

№ 0/140-

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

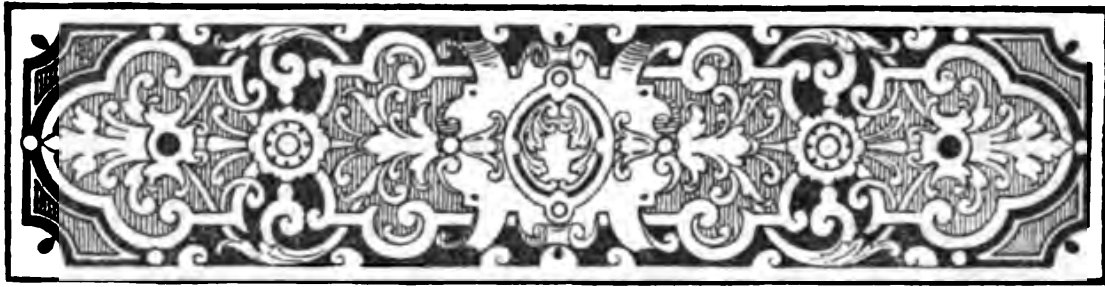
Т О М Ъ Х V

1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1883

СОЦИАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Историческая повѣсть ¹⁾.

I.

На крейсерѣ.

«Въ шестьдесятъ лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ. Сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребитса само собою. Тутъ насиліе ненадобно».

Екатерина II (Дневникъ Храповицкаго).

ПО ТЕМНО-БИРЮЗОВОЙ глади Чернаго моря, отъ кавказскаго берега къ крымскому, медленно двигался парусный военный фрегатъ.

Это было еще тогда, когда о возможности двигаться по водѣ иначе какъ при помощи парусовъ или весель умъ человѣческій еще не загадывалъ:—это было въ 77-мъ году прошлаго столѣтія.

Тихій весенній вѣтерокъ, ласково повѣвавшій со стороны кавказскихъ горъ, чуть-чуть надувалъ бѣлые паруса фрегата, которому, казалось, никогда не суждено переплыть эту безконечную темно-бирюзовую равнину. Кругомъ—подавляющее однообразіе. На

¹⁾ Матерьялами для этой повѣсти послужили документы, извлеченные изъ государственнаго архива проф. В. И. Ламанскимъ и напечатанные имъ въ первомъ томѣ «Памятниковъ новой русской исторіи».

голубомъ небѣ ни облачка. На морѣ—хоть бы парусъ заблѣлся гдѣ, хоть бы темная точка показалась на горизонтѣ. Только дельфины, которымъ, казалось, тоже наскучило это однообразіе, то тамъ, то здѣсь, выставляли изъ воды свои темныя изогнутыя спины и, словно по командѣ, кувыркались опять въ море.

На фрегатѣ почти незамѣтно было движенія. Матросы, за немѣнѣемъ работы, почти всѣ расположились въ передней части судна, и только болѣе копотливые, да вахтенные, неторопливо возились у своихъ мѣстъ — кто у снастей, кто у руля. Около офицерскихъ каютъ, въ тѣни, подъ тентою, на складныхъ табуретахъ сидѣло нѣсколько молодыхъ офицеровъ—кто курилъ и молчалъ, кто изрѣдка перекидывался словами то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ.

— А и скучна, господа, эта крейсерская служба, говорилъ бѣлокурый съ голубыми глазами офицерикъ, задумчиво поглядывая на море.

— Что говорить!—тоска порядочная, лѣнливо, какъ бы нехотя, отвѣчалъ другой темнолицый и сѣроглазый; ни на кого не глядя.

— Тосчища—мало тоска!—Точно бѣлка въ колесѣ:—отъ Кафы къ Суджукъ-Кале, отъ Суджукъ-Кале опять къ Кафѣ.. Ужъ и дельфины надобли...

— А тебѣ бы въ баталію сейчасъ... Чесменскимъ героемъ сразу бы стать...

— Не героемъ.. А вотъ хоть бы какъ Евдокимъ Михайловичъ—счастливецъ! чего онъ не видѣлъ!

— Успѣешь еще... Да что вы все молчите, Евдокимъ Михайловичъ! Хоть бы рассказали, какъ вы мыкались по всѣмъ морямъ, что народу перевидали... А?

Тотъ, къ кому относились эти слова, сидѣлъ немножко поодаль и задумчиво глядѣлъ въ даль, медленно пуская дымокъ изъ коротенькаго чубука. Это былъ мужчина лѣтъ за тридцать, худощавый, сильно загорѣлый брюнетъ съ добрыми задумчивыми глазами. Въ этихъ глазахъ, какъ и въ кроткой улыбкѣ, было, казалось, что-то свое, особенное, что никому не высказывалось и о чемъ, казалось, постоянно думалось.

Когда его окликнули товарищи, онъ улыбнулся своею доброю, загадочною улыбкою, но ничего не отвѣчалъ.

— А?—много видали?

— А загаръ-то у васъ на лицѣ почище нашего.

— Да, отвѣчалъ тотъ, къ кому обращались:—я всякаго солнца извѣдалъ—и южнаго и сѣвернаго.

— Да также восточнаго и западнаго, засмѣялся голубоглазый, сверкнувъ своими бѣлыми зубами:—счастливецъ вы!

Тотъ, къ кому относились эти слова, молча и съ улыбкой пожалъ плечами.

— А въ сколькихъ кампаніяхъ вы, Евдокимъ Михайловичъ, участвовали? спросилъ другой офицеръ.

— Въ тринадцати.

— Какъ разъ чортова дюжина! засмѣялся первый.

— А въ архипелажской экспедиціи находились? спросилъ второй.

— Находился... Что за рай земной этотъ Архипелагъ, эти Циклады и Спорады!.. А все дома, на Окѣ, лучше.

Ему вспомнилось, что въ карманѣ у него, на груди, письмо... Онъ невольно оцупалъ грудь... Да, тутъ... И ему мучительно захотѣлось домой—туда, далеко, на берегъ родной Оки...

«Я жду тебя—жду... Я Богу молюсь, морю молюсь: отдай мнѣ его, сине море»...

Онъ глянулъ на море — оно было больше чѣмъ синее. Только недалеко, на небольшомъ пространствѣ, оно казалось совсѣмъ чернымъ, точно кто окрасилъ его въ этомъ мѣстѣ самую густую тушью:—это по небу плыло маленькое, одинокое облачко и тѣнь отъ него ложилась такимъ чернымъ пятномъ на бирюзовое море...

«Отдай мнѣ его, сине море»... Нѣтъ, пока еще не отдаетъ — крѣпко держитъ... А такъ ли тамъ, надъ Окою, какъ тогда, шепчется съ весеннимъ вѣтеркомъ кудрявая береза?.. Не то она шепталась, не то мы... Нѣтъ—мы... Это не береза нашептывала мнѣ, не ея то былъ голосъ: «возьми меня, милый, за синее море, возьми съ собой»...

— О чемъ это вы опять задумались, Евдокимъ Михайловичъ?

— А!—Что такое?

— О чемъ задумались? приставалъ блондинъ.

— Да такъ... ни о чемъ собственно...

— О далекихъ моряхъ?—о своихъ экспедиціяхъ?

— Да, пожалуй...

— А расскажите намъ пожалуйста, гдѣ вы бывали?—Вотъ ужъ сколько мы съ вами въ морѣ, а вы намъ до сей поры не рассказали о своихъ морскихъ странствіяхъ... Вспомните старину—расскажите... Можетъ и на насъ повѣсть вѣтеркомъ съ далекихъ морей да океановъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ—расскажите, Евдокимъ Михайловичъ, просилъ и другой офицеръ.

— Право—разгоните тоску и свою и нашу... Вы видимо о чемъ-то тоскуете.

Туманъ, туманъ по долигѣ,
Широкой листъ на ялинѣ,
А ще ширшій на дубочку,
Нояль голубъ голубочку,
Да не свою, а чужую...

Это тянулъ тихо, заунывно, какой-то матросикъ, забившись промежду снастей.

— Что воешь?—али подыхать собрался?

— Это онъ объ своей Марусѣ...

— Ишь панихиду тянетъ—со святыми упокой, шутили другіе матросы:—и языкъ-то у хохла суконый, и пѣсня-то суконая.

— Что жъ, Евдокимъ Михайловичъ,—разскажете?

— Что жъ вамъ разсказать? спросилъ онъ.

— Да всю вашу морскую жизнь... Вспомните все...

— Хорошо—такъ и быть... Вспоминать—значить переживать... Попробую пережить опять мое прошлое, побывать съ вами въ далекихъ моряхъ...

— И разчудесно!—давно бы пора.

— Отлично!—мы слушаемъ.

— Да вся суть-то, господа, не долга — исторія невеличка — мыканье какъ мыканье, да въ душѣ-то за все мыканье много перебивало: и камушки-то самоцвѣтные въ душѣ свѣтились, а порой и жорновомъ осельнымъ сердце-то приваливало, какъ тамъ, помните, что привалиша камень съ кустодіею. Всего въ душѣ перебивало... Спервоначалу-то, еще мальцомъ когда былъ, гардемариномъ, такъ все больше нудили лѣтомъ по чухонскому океану—то около Кронштадта, то у Ревеля толчемся. Испыталъ я и эту морскую болѣсть, а потомъ обтерпѣлся. А молодая-то душа все вдаль рвалась: крылья-то ужъ Господь Богъ далъ ей могучія—непосѣда душа человѣческая, все едино что вотъ у васъ...

Онъ кивнулъ голубоглазому блондину, который жадно слушалъ.

— Крылья — и летѣ-летѣ на крилу вѣтренюю, улыбнулся смуглый.

— Да, точно,—жаденъ духъ человѣческій—все ищеть, все рыщетъ по свѣту, пока въ могилку не заглянетъ... Ну-съ, государи мои, плескались мы сначала у родныхъ береговъ, а какъ доплескался я до мичмановъ, такъ и выпустили изъ клѣтки—лети, душа!.. Сначала вышли мы въ свое пока море—до Копенгагена... И то такъ и ѣлъ глазами все невиданное: — и солнце-то, кажись, не такъ ходитъ, и люди-то не такъ созданы... Да это что! простора еще не было... А тамъ—дальше да больше, больше да шире—и до Портсмута добрались, и весь этотъ «туманный Альбіонъ» очами поѣдалъ, и съ Цезаремъ, кажись, да съ его легионами блуждалъ по этимъ сѣрымъ берегамъ... А тутъ ужъ, понимаете, государи мои, самъ сѣдой старецъ, его величество океанъ, на васъ дышетъ величіемъ божіимъ... Я, дуракъ, упалъ на колѣни передъ нимъ — заплакалъ отъ счастья — слезы только капъ-капъ-капъ... Слышу, божеская грудь на меня, на ничтожнаго мичманишку, дышетъ, великая грудь... А Алексѣй Григорьичъ Орловъ увидалъ меня въ такомъ блаженномъ оцѣпененіи да и улыбается: «что, говоритъ, Кравковъ, пробрало?..» И точно я будто бы самъ выросъ на сѣ-

дыхъ гривахъ этого великана — точно я выше сталъ, въ груди силы прибыло—самъ чуялъ, какъ крылья въ душѣ вырастаютъ...

— Ну, и что жъ дальше?—Въ океанѣ...

— Въ океанѣ, сударь мой, я точно выросъ — въ лейтенанты меня произвели... Ну, и полетѣли мы дальше по сѣдому океану: Франція, Испанія, Португалія — все это я топталъ вотъ этими ногами, вспоминая подчасъ мою далекую Оку, мою скромную деревеньку и усадьбу...

Онъ разомъ замолчалъ и задумался... Ему, казалось, слышался голосъ: «я морю молюсь: отдай мнѣ его, сине море»!..

— Франція, Испанія, Португалія, повторялъ его слова безпокойный блондинъ:—а тамъ—дальше?

— Не выдержалъ! какъ-то глухо произнесъ разскащикъ.

— Чего не выдержали, Евдокимъ Михайловичъ?

— Душа не выдержала, тѣло не выдержало души—перелилась чаша черезъ край—я занемогъ...

— Чѣмъ?

— Обѣлся, обожрался.. Не я, не тѣло обѣлось, а духъ мой: ужъ больно жадно духъ мой пожиралъ новыя впечатлѣнія... Въ Италіи уже, въ Ливорно, я слегъ...

— Чтожъ съ вами было?

— Не знаю, голубчикъ,—горячка что ли, только когда я началъ оправляться, такъ Орловъ велѣлъ меня отправить въ Питеръ уже по сухопутью.—Это было въ маѣ 1771 года. А въ слѣдующемъ году я ужъ опять мыкался по морямъ, да не по южнымъ, не подъ жаркимъ солнцемъ Италіи, а подъ солнцемъ Ледовитаго океана. Что за угрюмое море, государи мои! — и какъ величественно непривѣтливо!.. Изъ Архангельска я обогнулъ Нордкапъ. Среди этого Ледовитаго чорта можно съ ума сойти! — представьте только въ своемъ воображеніи: плывете вы день, плывете другой, третій, четвертый,—а солнце все не заходитъ — все вертится какъ опалѣлое кругомъ, съ утра до вечера, съ вечера до утра, все плаваетъ этотъ страшный огненный шаръ надъ горизонтомъ и не тонетъ въ морѣ... Страшно становится подъ конецъ! хочется уйти, спрятаться отъ этого обезумѣвшаго небеснаго свѣтила—думается, что оно сбилось съ своего пути, потеряло ночь и не можетъ найти ее—просишь у Бога ночи—нѣтъ, нейдетъ ночь... Изобразите себѣ въ мысляхъ эту картину: солнце потеряло свой закатъ, солнце свѣтитъ не оттуда, откуда оно свѣтило вамъ всю жизнь — съ востока, съ юга, съ запада — нѣтъ! оно свѣтитъ съ сѣвера и тѣнь вашу посылаетъ на югъ... Отъ этого вида точно и мозги-то ваши опрокидываются. Обезумѣло, какъ есть обезумѣло солнце!—Я самъ чуть не обезумѣлъ—я не могъ спать—я началъ было пить съ тоски—я просилъ ночи, тьмы, а тьма пропала...

— А матросы что? весь красный отъ волненія спросилъ голубоглазый.

— Что матросы!—Говорятъ: вотъ благодать! кабы-де да у насъ въ деревнѣ такъ весь годъ свѣтло было, такъ и лучины бы не надо было запасать.

— Молодцы матросики!—Вотъ философы! засмѣялись оба офицера.

— Да, только они и отраду давали: послушаешь это, какъ они на-счетъ солнца-то острятъ да выгадываютъ, ну—и полегчаетъ на душѣ... Солнушко, говорятъ, съ пьяну съ дороги сбилось—дверей не найдетъ—и патается по небу... Кита, говорятъ, служалось — боится въ воду окунуться...

— Ну, а какъ вы оттуда выбрались?

— Кругомъ—мимо Гиммерфеста, да стороной отъ гольфстрема и обогнули всю Норвегію и Швецію, да опять въ чухонское море—въ Ревель.

— А какъ же вы попали въ Архипелагъ?

— Это послѣ. Это я потомъ назначенъ былъ въ эскадру контръ-адмирала Самойлы Карлыча Грейга. Такъ ужъ съ нимъ мы ходили до Копенгагена сначала, а оттуда въ Портсмуть, а далѣе — опять въ Средиземное море, къ Ливорнѣ, а ужъ оттуда въ Архипелагъ.

— Что-жъ вы тамъ дѣлали?

— Да все крейсировали, какъ и здѣсь,—турецкіе корабли ловили.

— А много изловили?

— Не мало... Больше все топить приходилось... Тамъ меня и въ капитанъ-лейтенанты произвели...

Течетъ рѣчка лозоньками,
Плачетъ дѣвка слезоньками, —

тянулъ за душу все тотъ же унылый, однообразный голосъ.

— Это Маруська-то что-ль плакалась?

— Маруська, знамо, все по ёмъ...

— Ваше благородіе! ваше благородіе! точно изъ земли выросъ матросикъ.

— Что ты? тревожно спросили офицеры.

— Кажись турка крадѣтца...

— Гдѣ? гдѣ видишь?

— Вонъ тамотка... во-во, должно къ Анапу улепетываетъ...

На фрегатѣ все зашевелилось. Раздалась команда. Заскрипѣли блоки, снасти. Матросы словно кошки разсѣялись по реямъ. Заходили паруса точно живые, надулись Богъ-вѣсть откуда взявшимся вѣтромъ... Точно само море проснулось...

— Ну вотъ, скучали безъ работы — вотъ и работа будетъ, на ходу бросилъ словами Кравковъ своимъ собесѣдникамъ, быстро, отрывисто отдавая приказанія.

— Живо — готовь фитили! осмотрѣть запалы!

— Вотъ тѣ и Маруська...

— Лѣвѣй, лѣвѣй, чортъ!

Фрегатъ накренился, сдѣлалъ полуоборотъ и на всѣхъ парусахъ полетѣлъ къ Анапѣ.

II.

На родинѣ.

Въ ясный, лѣтній вечеръ, когда солнце опускалось уже на темныя игольчатыя вершины сосенъ и елей, обывательская тройка, мѣрно позвякивая колокольчикомъ, тихою рысцою катила по извилистому проселку, постукивая о сухую землю нешинованными колесами простой извозчичьей телѣги. Проселокъ извивался вдоль Оки по направленію къ Гороховцу.

На облучкѣ сидѣлъ ящикъ въ синей посконной рубахѣ и въ шляпѣ гречушникомъ, и какъ бы для очищенья совѣсти постоянно махалъ надъ лошадиными крупами обдерганнымъ кнутикомъ, сопровождая эти помахиванья эпическими, лѣнивыми и ему и лошадямъ прискучившими возгласами: «но-но, боковы! съ горки на горку—дасть баринъ на водку... но-но, пошаливай!»—хотя флегматическія лошадки и не думали шалить.

— Трогай-трогай! понукаль, въ свою очередь, сидѣвшій въ телѣгѣ «баринъ»:—ужь не далеко осталось.

— Но-но, погромыхивай, боковы! не далече — помахивай!

Сидѣвшій въ телѣгѣ «баринъ» былъ Кравковъ, Евдокимъ Михайловичъ, тотъ самый загорѣлый капитанъ-лейтенантъ, котораго мы видѣли на Черномъ морѣ и который рассказывалъ о своихъ далекихъ скитаніяхъ двумъ молодымъ морячкамъ мичманамъ.

Кравкову, не богатому, но даровитому отъ природы юношѣ, съ самой школьной скамьи молодая жизнь улыбалась. Умный отецъ его, мелкопомѣстный дворянинъ Владимірскаго намѣстничества, служившій въ гвардіи и вышедшій въ отставку съ небольшимъ чиномъ, замѣтивъ способности «вростроглазаго Евдоши», порѣшилъ, что онъ умомъ и знаніемъ долженъ завоевать свое счастье, и отдалъ его въ морской кадетскій корпусъ. «Не даромъ Великій Петръ любилъ море—въ морѣ сила, моремъ свѣтъ держится: — пусть же мой Евдоша хлебнетъ изъ этого ковша, какъ Илья Муромецъ, и наберется силы», часто говаривалъ онъ про своего бойкаго сынишку. И Евдоша не обманулъ ожиданій отца:—изъ Евдоши вышелъ способный морякъ, хотя, когда онъ уже мичманомъ явился на родину, некому было на него порадоваться. Онъ напелъ въ

своей деревенькѣ только двѣ могилки — отца и матери, да зеленѣющую надъ ними кудрявую березку.

Поплакавъ подъ этой березкой, онъ опять воротился къ своему морю, которое, какъ поэтъ въ душѣ и мечтатель, любилъ больше всего на свѣтѣ. И вотъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, начались его мыканья по синимъ, по зеленымъ и по фіолетовымъ волнамъ океана. Всѣ товарищи любили Кравкова, какъ задушевнаго, честнаго до мозга костей и въ высшей степени симпатичнаго человѣка, пылкаго фантазера и хорошаго собесѣдника. Начальство отличало его передъ всѣми какъ способнаго моряка, хотя и косилось на него за одну его, съ ихъ точки зрѣнія, слабость—за гордость, холодность отношеній къ высшимъ, за самостоятельность убѣжденій. Онъ никогда не заискивалъ въ начальствѣ, не забѣгалъ впередъ, не умѣлъ мило льстить, изловчаться. Когда даже всесильный Орловъ трепалъ его любезно по плечу, онъ какъ будто хмурился. «Я не теленокъ, чтобъ меня гладили», говорилъ онъ при этомъ товарищамъ. Онъ много читалъ. Мыкаясь по свѣту, онъ доставалъ въ Европѣ такія книги, какихъ въ Россіи достать было не легко. Руссо съ его философіею природы былъ его любимымъ писателемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко любилъ высокую, чарующую своей простотой, поэзію Евангелія, и оно вмѣстѣ съ Руссо составляло его настольную книгу.

Въ поэзіи моря, какъ и въ поэзіи Евангелія, онъ видѣлъ идеалы своей жизни, и другихъ идеаловъ онъ не искалъ бы, кажется, совсемъ, если бы въ его отзывчивое сердце не заронилъ луча живой, реальный идеалъ съ плотью и кровью и съ прелестными сѣрыми глазами.

Когда видъ могучаго океана въ первый разъ произвелъ на его душу потрясающее впечатлѣніе и когда подъ тяжестью своихъ собственныхъ страстныхъ порывовъ его нервы не выдержали и онъ слегъ въ Ливорно, откуда Орловъ и отправилъ его для поправленія здоровья на родину,—онъ въ своей гороховецкой вотчинкѣ встрѣтился съ тѣмъ реальнымъ идеаломъ съ сѣрыми глазами, который и занялъ въ его душѣ мѣсто рядомъ съ поэзіею палестинскихъ рыбаковъ. Это была дочь его сосѣда, богатаго барина, масона и «волтеріанца»—шаловливая Катя, выросшая на полной свободѣ какъ лѣсная бѣлка и какъ бѣлка подвижная и стремительная. Катя полюбила загорѣлаго моряка, котораго она слушала съ замираніемъ сердца, когда онъ рассказывалъ ей отцу о своихъ скитаніяхъ по голубымъ и фіолетовымъ морямъ. Влюбленные поклялись принадлежать другъ другу во что-бы то ни стало. Но такъ-какъ Катя хорошо знала характеръ своего упрямаго отца, который не разъ высказывалъ, что скорѣе застрѣлитъ свою любимицу дочь какъ бѣлку чѣмъ позволить ей унижить свой родъ—выйти за какую-нибудь «мелкую сошку»,—то молодые люди и

порѣшили выждать совершеннолѣтія Кати, чтобъ потомъ, не нарушая ни гражданскихъ законовъ, ни законовъ приличія, соединиться уже на вѣки.

Только не такъ вышло, какъ имъ мечталось.

Во время послѣдней крейсировки на Черномъ морѣ, Кравковъ получилъ извѣстіе, что его невѣсту самодуръ отецъ хочетъ насильно отдать замужъ за богатое и титулованное ничтожество. Возвратившійся изъ Владиміра въ азовскую флотилію, бывшій въ отпуску, лейтенантъ, пріятель Кравкова, привезъ ему письмо, въ которомъ невѣста умоляла его немедленно пріѣхать: «и мое и твое счастье на волоскѣ» писала она между прочимъ:—«а если ты не пріѣдешь, то мнѣ остается только въ Оку броситься».

Кравковъ тотчасъ же подалъ въ отставку и при прошеніи представилъ свидѣтельство врачей о болѣзни, а самъ поскакалъ въ Петербургъ—лично хлопотать и объ отставкѣ, и о пенсіи.

Въ адмиралтействъ-коллегіи все сдѣлано быстро и на докладъ коллегіи послѣдовала высочайшая резолюція о выдачѣ Кравкову пансіона.

Но тутъ-то и начались тѣ мытарства; та всероссійская правда, которая губитъ мелкія и честныя единицы ради интересовъ крупныхъ государственныхъ паразитовъ. Не смотря на высочайшую резолюцію, графъ Чернышовъ Иванъ Григорьевичъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, рѣшительно отказалъ выдать Кравкову пенсію.

— Нѣтъ у насъ, государь мой, пенсіонной для васъ суммы! рѣзко сказалъ онъ Кравкову при всѣхъ просителяхъ:—мы обязаны оберегать интересы ея императорскаго величества.

Кравковъ очень хорошо зналъ, какъ этотъ господинъ оберегалъ интересы государства. Моряки его не иначе называли какъ «воръ-президентъ» адмиралтействъ-коллегіи, а не вице-президентъ. Сама императрица была объ немъ самаго низкаго мнѣнія. Она сама говорила Храповицкому о всѣхъ его продѣлкахъ—и о томъ, какъ онъ у князя Орлова «зажилить каминь»—подлинныя слова Екатерины—«и не возвратилъ взятыхъ на то денегъ, когда ѣздилъ въ Англію», и о томъ, какъ онъ оттягалъ картины у вдовы герцога Кингстона и пр.

Этотъ-то господинъ ни за что, ни про что при всѣхъ оборвалъ Кравкова, который еще никому не кланялся.

Несчастный очутился безъ копѣйки денегъ.

— И не ищите правды, говорили Кравкову его петербургскіе товарищи по корпусу, когда онъ хотѣлъ жаловаться на Чернышова:—всѣ они таковы—воръ на ворѣ и воръ у вора изъ рукъ дубины рвутъ... У насъ правда только на бумагѣ.

Собравъ послѣдніе гроши, оставшіеся отъ жалованья, и продавъ мундиръ, онъ поскакалъ въ свою деревеньку, на Оку, увозя изъ

Петербурга очень не хорошее чувство къ «властителямъ и судіямъ» вообще.

«А что-то тамъ—дома?—не опоздалъ-ли? не все ли ужъ потеряно?» острыми ножемъ рѣзали сердце вопросы, когда изъ-за зелени лѣса блеснула синеватая полоса родной рѣки.

— Да что ты такъ тащишься, любезный!—точно тебя за смертью послали! волновался онъ.

— Но-но, боковы! помахивай!

— Кой чортъ помахивай! еле ноги переставляютъ! болванъ!

— А! ѣжь те муха! шевелись—пошевеливай!

Но вотъ показалась знакомая роща, гдѣ когда-то Евдоша, еще рѣзвымъ мальчикомъ, за бѣлками гонялся, а тамъ—все еще чертѣются знакомыя грачовыя гнѣзда. Грачи ужъ вывелись—вонъ какъ орутъ надъ рощею. И скворешня знакомая торчитъ надъ скотнымъ дворомъ. Какъ почернѣла!—а тогда была еще новенькая. А гдѣ теперъ тотъ «Петька» скворецъ, котораго юный Кравковъ передъ отправленіемъ своимъ въ морской корпусъ самъ воспитатель и который такъ хорошо величалъ самого себя—«скворгушка, скворгушка»?..

Вонъ и березка кудрявая, подъ тѣнью которой пріютились двѣ знакомыя могилки съ покосившимися крестами.

Знакомая родная деревенька съ черными избушками и клѣвушками и осиротѣлая родная усадьба—какое все это маленькое, жалкое, но дорогое сердцу!

Но не такъ его сердце рвется къ этой родной усадьбѣ, какъ вонъ къ тому большому барскому дому, что стоитъ за Окой какъ разъ противъ его скромной усадьбы. Домъ съ колоннами, съ цвѣтникомъ, съ садомъ, съ теплицами.

Но отчего всѣ окна въ немъ закрыты ставнями? Отчего не видно кругомъ движенія, жизни?—ни на террасѣ, ни на берегу—ни души. Точно все вымерло. Ея любимая лодочка—«Дельфинъ»—привязана у плота. Надъ ея мезониномъ не развѣвается знакомый маленькій флагъ съ изображеніемъ на немъ якоря.

Что все это значить?.. Уѣхали?—но куда?..

Только бѣлые голуби кружатся у ея балкона..

«Неужели опоздалъ»!.. У Кравкова сердце точно упало и замерло...

Ямщикъ, употребивъ послѣднія энергическія усилія, заставилъ наконецъ свою тройку лихо подкатить къ невысокому крыльцу усадьбы.

Изъ воротъ съ лаемъ выбѣжали собаки. На крыльцѣ показалась бѣлокурая дѣвочка—скорѣе дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и остановилась въ изумленіи.

— Барбось! а—старый, не узналъ!

Собака, не узнавъ лица своего господина, котораго давно не

видала, узнала его голосъ и завизжала отъ неожиданнаго счастья, показывая такую безумную радость и столько искренности, сколько самый любящій человекъ не сумѣетъ высказать словомъ и ласками.

— Батюшки! баринъ пріѣхалъ! закричала и дѣвочка захлебывающимся голосомъ, стремительно убѣгая въ дверь, изъ которой снова опять выскочила красная какъ кумачъ.

— Здравствуй, Поля, ласково сказалъ Кравковъ, выгѣзая изъ телѣги и съ трудомъ отбиваясь отъ Барбоса, примѣру котораго послѣдовали и другія, младшія собаки: «значитъ, такъ слѣдуетъ—это баринъ», быстро сообразила четвероногая дворня.

Дѣвушка робко подошла къ Кравкову и схватила было его руку, чтобъ поцѣловать ее; но тотъ отнялъ руку и поцѣловалъ дѣвушку въ голову. Она еще болѣе вспыхнула.

— А Лукьяновна—няня—здорова?

— Здорова-съ, баринъ. Да вонъ и сама баушка.

На крыльцѣ, на которое уже успѣлъ взойти и Кравковъ, въ дверяхъ, показалась старуха. Она безмолвно всплеснула руками и закрыла ими лицо...

— Охъ, баринушка! охъ, милый! о-охъ!

— Здравствуй, няня...

У Кравкова голосъ сорвался. Онъ предчувствовалъ что-то недоброе. Онъ увидѣлъ, что заплакала и дѣвушка, и старуха вся дрожала, всхлипывая.

— Что съ тобой, няня!—что случилось?

Онъ самъ испугался своего вопроса... Зачѣмъ онъ спросилъ?... Онъ боялся отвѣта на свой, прорѣзавшій его собственное сердце вопросъ.

— Охъ батюшка! родной мой! баринушка!

— Да что же?—что съ вами?—Онъ уже боялся спросить: «что случилось?».

— Охъ родной! охъ батюшка! свѣтликъ ты мой!

— Да скажи ты, Поля,—что съ няней?

Но и дѣвушка только пуце расплакалась.

Тогда старуха, отнявъ руки отъ лица, стала порывисто крестить своего барина.

— Постой—постой, родимый... Дай сердцу-то на мѣстѣ стать—все расскажу.

— А лошадожь-то, баринъ, распрягать велишь? вмѣшался ямщикъ.

— Извѣстно—распрягай.

— Ишь упарили!—и дорожка же!

— Что жъ мы тутъ стоимъ? заговорила вдругъ старушка:—пожалуй въ горницу, батюшка, а ты, Полюша, бѣги—ставеньки открой.

Кравковъ машинально, самъ того не сознавая, отворилъ дверь въ сѣни, а потомъ, направо, въ знакомую съ дѣтства «горницу». Въ ней было темно какъ въ могилѣ. Разнородныя ощущенія влещами сдавили сердце... Такого смутнаго страху онъ и среди бурнаго океана не испытывалъ...

Ставня открылась—и свѣтъ словно бы испуганно ворвался въ комнату, въ одну ея половину, боясь проникнуть дальше. Скрипнула и отворилась другая ставня...

Знакомыя стѣны, столъ, стулья и на стѣнѣ потемнѣвшая гравюра, изображающая Петра Великаго въ бурю на Ладожскомъ озерѣ... Какія ничтожныя волны въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ видѣлъ!

На кругломъ столѣ, у кожанаго дивана, лежала женская соломенная шляпка съ голубыми лентами, и тутъ же маленькая палева перчатка.

У Кравкова не то радостью, не то новымъ страхомъ сжалось сердце... Нѣтъ, это не радость...

Вошла нянюшка и, взглянувъ на шляпку и на своего барина, вновь заплакала...

— Ну, говори же, няня, разомъ:—умерла? глухимъ голосомъ, съ трудомъ, выговорилъ онъ послѣднее слово.

— Охъ, нѣтъ, родимый...

— Нѣтъ, говоришь?—няня!—гдѣ жъ она!

— Охъ, постой—постой, болѣзненный,—все, горемычная, расскажу...

Пришла это она, голубушка, ни жива, ни мертва, положила это на столъ свою шляпочку и вонъ эту перчаточку, да и говоритъ: нянюшка—гитъ, меня батюшка силкомъ замужъ хочетъ отдать, за Никиту Кириллыча, а я-гитъ—не хочу за него, я-гитъ—и передъ Богомъ и передъ людьми невѣста твоего барина, Евдокима Михайлыча... Охъ!

Старуха остановилась и опять заплакала. Кравковъ съ трудомъ передохнулъ.

— Ну, говори, няня,—не плачь.

— Не буду, не буду, родной, всхлипывала старуха:—вотъ она, горлянка божья, и говоритъ: я-гитъ-нянюшка, ушла отъ родителя,—я-гитъ-хочу ѣхать къ Евдокимъ Михайлычу, поѣду-гитъ—во Владиміръ, а оттолѣ-де напишу ему, чтобъ пріѣзжалъ за мной.— Что жъ—говорю—и съ богомъ, дитятко, коли ужъ васъ Господь раньше благословилъ къ супружеству, — поѣзжай, говорю, ластушка. — Въ ночь, гитъ, и выѣду, — только бы мнѣ лошадокъ достать да ямщика.—Что жъ—я говорю—барышня, за лошадками дѣло не станетъ:—мой-де Ермилъ съ Полюшей и проводятъ тебя до Владиміра. — Только я это, родной мой, выговорила, какъ слышу у крыльца конскій топотъ. Барышня глянула въ окошко, да такъ и помертвѣла: отецъ—говоритъ—а съ нимъ вмѣстѣ тотъ

злудѣй... Что я буду дѣлать! Пропала я, бѣдная!—А сама ручки ломаетъ...

Старуха опять остановилась. Кравковъ сидѣлъ блѣдный, съ широко раскрытыми, точно отъ ужаса, глазами.

— Ну... кончай же... Они увезли ее?

— Охъ, нѣту, родной... Дай передохнуть... Вбѣжали это въ комнату... А—говорить старый-то баринъ—ты здѣсь!—ахъ ты—гитъ—упрямая дѣвчонка!—вся въ меня—только я—гитъ—сильнѣе тебя... Да взялъ ее, голубушку, эдакъ въ охапку какъ дитю малую, и понесъ на крыльцо... А она, сердешная, только молила слезно: пустите—пустите меня... А родитель-то ейный, отецъ-отъ, вынесъ ее эдакъ, голубушку, на крыльцо да и передаетъ съ рукъ на руки нелюбу-то злудѣю.—Берите—гитъ—дочь мою изъ родительскихъ рукъ:—она-де теперь ваша и передъ Богомъ и передъ людьми. Теперь она—гитъ—глупа, молодешенька, свою талану-счастья не разумѣетъ, а послѣ меня-же-де благодарить будетъ.—Да такъ ее въ руки-то злудѣю и вложилъ, какъ ребеночка.. А она, сердешная, какъ вскрикнетъ не своимъ голосомъ, какъ вскрикнетъ!... О, Господи! Господи!

— Такъ и увезли?

— Нѣту! охъ—нѣту! коли бъ увезли...

— А что?—говори же, не мори меня!

— Баринушка мой! не могу—языкъ не выговорить...

— Что же?—Господи!

— Слушай же... Все доскажу—дорѣжу тебя... Какъ злудѣй-то взялъ ее въ руки, а она, ластушка, какъ вскрикнетъ, да и вырвись изъ рукъ погубителя-то свою... Охъ!... А отецъ-отъ опитъ за нее... А она какъ кинется на берегъ, да съ кручи-то прямо въ Оку... Только и видѣли ее...

Кравковъ не имѣлъ силы даже вскрикнуть...

— А какъ барышня бѣжали къ Окѣ, такъ они сказали: «я къ тебѣ иду—возьми меня» — да съ этимъ словомъ и нырнули съ кручи, добавила Поля, которая стояла у дверей и рукавомъ рубахи утирала глаза.

Кравковъ продолжалъ сидѣть попрежнему. Онъ даже не плакалъ.

Старуха нѣсколько успокоенная тѣмъ, что онъ, казалось, не такъ сильно былъ пораженъ ея рассказомъ, какъ она того ожидала, стала припоминать подробности.

— И платице-то на ей, на голубушкѣ, было свѣтленькое да веселенькое такое...

— По бѣлому полю твѣтики махоньки, поясняла Поля.

— Стали искать это ее въ рѣкѣ баграми да неводами, продолжала старушка.

— А самъ баринъ въ лодкѣ въ барышнинной, опять поясняла внучка.

— Не мѣшай, глупая... Искали-искали ее... Не далече вить и отнесло ее... Вонъ тамъ и нашли...

— Супротивъ, почитай, березки, не вытерпѣла Поля.

— Вынули это ее, сердешную, а у нее и головка падаетъ, и косынька-то растрепалась... Я мигомъ простыни притащила, чтобы на простынку-то ее положить да качать... На твоихъ простынкахъ, родной, и качали ее... Спать бы ей, горемышной, съ тобой на этихъ простынкахъ да радоваться—такъ нѣтъ—не привелъ Богъ...

— А ей платье, барышнѣ-то, растегнула — баринъ велѣлъ, добавила Поля:—самъ онъ хотѣлъ растегнуть, да руки трясутся...

— Убивица онъ—вотъ что, а не отецъ! съ сердцемъ сказала старушка.

— Что жъ—не откачали? чуть слышно спросилъ Кравковъ.

— Гдѣ откачать, батюшка!.. Такъ и отвезли ее на ту сторону съ нашими простынками.. Послѣ ужъ я ихъ взяла... А на третій день и похоронили сердешную... Еще городской попъ-отъ не хотѣлъ ее хоронить—утопленица, говоритъ,—безъ попа-де да безъ ладону померла,—такъ ѣный баринъ кнутомъ попу пригрозилъ—ну и схоронили голубушку, тамъ же, въ садикѣ у нихъ.

— А самъ баринъ уѣхалъ, вставила свое слово Поля.

— Куда уѣхалъ?

— Въ чужія земли, сказываютъ, уѣхалъ, а домъ велѣлъ запереть наглухо, отвѣчала старуха.

Кравковъ взялъ въ руки маленькую перчатку, поглядѣлъ на нее и снова положилъ на столъ... Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ сиротой во всемъ мірѣ, такимъ чужимъ для всѣхъ... Ничего у него не осталось—ни моря, ни жизни...

Онъ упалъ головой на столъ и зарыдалъ... Старуха и дѣвушка стояли около него и тоже плакали.

III.

Въ тихомъ омутѣ.

Для Кравкова началась не жизнь, а вѣчная агонія.

Въ то время когда онъ былъ въ морѣ, когда у него было дѣло, которое онъ страстно любилъ, которое составляло цѣль и всю окраску его жизни, въ которое онъ, наконецъ, воплотилъ идеалъ своего духа,—для него міръ не казался пустыней:—въ этомъ мірѣ была у него цѣль, къ которой онъ шелъ, и жизнь казалась ему вѣчнымъ движеніемъ впередъ, постепеннымъ достиженіемъ чего-то искомаго, что и было его идеаломъ, хотя быть можетъ не ясно сознаннымъ, смутно представляемымъ.

Потомъ, когда онъ нашель—въ этомъ исканіи своего идеала—и нашель совершенно случайно, точно съ завязанными глазами, какъ древніе изображали «слѣпое счастье»—нашель другой идеаль—идеаль личнаго счастья,—міръ казался ему раемъ, въ которомъ все было уготовано для его личнаго блаженства.

И вдругъ—все это было разрушено... Онъ бросилъ море, своихъ товарищей, свои привычныя и любимыя занятія, все, что наполняло его жизнь, бросилъ для новой жизни, которая представлялась ему такою лучезарною—и что же нашель!

Онъ разомъ потерялъ все. Жизнь потеряла для него всякій интересъ и весь міръ сталъ для него пустыней...

Куда идти? Чего искать?—Да для чего, зачѣмъ?—Идти развѣ туда же, въ Оку...

Но это бы еще ничего, что міръ сталъ для него пустыней. Можно было бы и въ пустынь забыться. Но забыться нельзя... Взамѣнъ всего, что у него было, ему оставили что-то незабываемое, отъ котораго и въ пустынь нельзя спрятаться... Ему оставили страданія, острия, жгучія... Куда отъ нихъ бѣжать? Какъ тутъ забыться!... Онъ былъ глубоко одинокъ; но онъ былъ не одинъ: и днемъ и ночью за нимъ ходило это незабываемое—эти острия, жгучія муки...

Онъ потерялъ сонъ... Цѣлыя ночи онъ или сидѣлъ на берегу Оки, тамъ, у березокъ, или отправлялся на ту сторону рѣки, гдѣ подъ землею лежало что-то для него не умершее... Онъ сидѣлъ и думалъ—мучительно думалъ...

Если-бъ еще онъ могъ вновь отдаться дѣлу, которое онъ любилъ; но онъ самъ порвалъ съ этимъ дѣломъ такъ рѣзко, въ такихъ окончательныхъ формахъ, что возвратиться къ нему не было никакой возможности... Да и зачѣмъ теперь ему дѣло!

Какія безконечныя ночи!—и дни безконечныя... Хоть бы сномъ забыться... И на Окѣ тихо, и въ лѣсу тихо—ничто не шелохнетъ... Онъ сидитъ на берегу Оки, сжавъ голову руками...

Что это—какъ будто кто плачетъ?... Кому же плакать, какъ не его собственной душѣ?

Нѣтъ—плачетъ кто-то...

— Кто тутъ?

Нѣтъ отвѣта. Это ему представляется — чудится въ ночной тиши...

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ кто-то плачетъ, и близко — явственно всхлипываетъ. Онъ поднимаетъ голову... Да, точно—плачетъ...

— Кто тутъ?—кто плачетъ?

Онъ всталъ и направилъ къ тому мѣсту, откуда слышался плачь. Подъ кустомъ что-то бѣлѣлось. Словно чѣмъ-то ожгло его по сердцу...

— Кто это?

— Это я, баринъ, отвѣчалъ всхлипывающій голосъ.

— А—это ты, Поля.. Зачѣмъ ты здѣсь?—объ чемъ плачешь? Дѣвушка еще сильнѣе заплакала.

— Что съ тобой, Поля?—зачѣмъ ты не дома—не спишь?

— Ахъ, баринъ... А вы сами... котору ночь не спите...

Онъ схватилъ себя за голову.

— Я не могу спать, Поля... А ты ступай—не мѣшай мнѣ...

Вѣроятно, онъ скоро покончилъ бы съ собой, если-бъ жестокая горячка не уложила его въ постель. Двѣ недѣли онъ былъ между жизнью и смертью. Старушка няня и въ особенности ея внучка не отходили отъ больного. Въ бреду онъ говорилъ такія вещи, которыхъ ни старуха, ни дѣвушка не понимали: то чудились ему какія-то далекія моря, по которымъ онъ, казалось, плавалъ и проносилъ непонятныя слова; то жаловался на какихъ-то злыхъ и безсердечныхъ людей; то вспоминалъ какое-то письмо и звалъ кого-то. Всего страшнѣе казалось для его юной сидѣлки — для Поли, когда онъ говорилъ съ какимъ-то моремъ, какъ-будто съ живымъ человѣкомъ: «отдай мнѣ его, синѣ море, отдай—отдай!..»

Поля совсѣмъ извелась за это время, но не оставляла больного, какъ ни уговаривала ее старая бабушка. Когда старухи было въ комнатѣ, дѣвушка часто становилась на колѣни и по цѣлымъ часамъ молилась. Когда больной сталъ приходить въ себя и къ нему иногда возвращался сонъ, дѣвушка украдкой цѣловала у соннаго руку и тихо плакала.

Нѣкоторые ближайшіе сосѣди, узнавъ о возвращеніи Кравкова и о постигшемъ его несчастіи, пріѣзжали къ нему; но старуха, видя, что пользы отъ этихъ посѣщеній не видалось никакой, старалась не пускать ихъ къ больному.

Но и горячка прошла, какъ все проходитъ на свѣтѣ, только нравственное состояніе Кравкова не улучшалось. Прежнихъ стремленій уже не было въ душѣ; острия боли также въ ней нѣсколько поулеглись, но тупая тоска не покидала его, какъ не покидали и воспоминанія о его «потерянномъ раѣ». Онъ потерялъ и вѣру въ людей. А между тѣмъ жить надо было. Ни постигшее его великое горе, ни тяжкая болѣзнь не разрушили его организма, а только надломилъ энергію его духа, оборвали въ душѣ какія-то струны..

«Живи, Кравковъ, живи—говорилъ онъ самъ съ собою, медленно поправляясь, и бродя одиноко по берегу Ожи:—не умеръ—значить, долженъ жить... А для чего? — А какое тебѣ дѣло до этого?—Велѣно жить—и живи... Это твоя барщина... Вонъ твои мужики работаютъ на тебя—это ихъ барщина...»

Но кромѣ личнаго горя, въ его душѣ вставали общіе вопросы жизни.

«Гдѣ же правда?... Тамъ, въ роскошныхъ палатахъ, ея нѣтъ—она и не завиталась тамъ... У Чернышова правда? — У всѣхъ

этихъ напудренныхъ вельможъ, у которыхъ на словахъ общественное благо, а на глазахъ крокодиловы слезы?... Знаю я эту правду— и ей служить я не буду...»

— Ты что, Поля?

— Меня за вами баушка послала, баринъ.

— А что?

— Баушка говорить—обѣдъ простынетъ... Кушать пожалуйте...

— А—хорошо... Ты что, Поля, такая блѣдная?

— Я ничево, баринъ... такъ...

— Ты за мною замаялась, бѣдненькая, когда я былъ боленъ?

— Нѣтъ... это что же-съ?... это такъ...

— Хорошо, Поля,—я сейчасъ прійду.

«Развѣ вотъ у этихъ, бѣдныхъ людей, правда? Вонъ они какъ за мной ходили... Вотъ хоть бы и Поля... Да это, можетъ быть, отъ холопской ихъ преданности? Это ихъ барщина—ходить за мной...»

«Говорили—у масоновъ правда... Знаю я эту правду!—Въ Херсонѣ вонъ офицеры втянули меня въ эту бездну, и я насилу выкарабкался... Тамъ все барство—всѣ бары лѣзутъ въ масоны—шляжи и вельможи... Вотъ, говорятъ, и Чернышовъ масонъ... Не таковы были люди христовой правды: они ходили босикомъ, въ милотяхъ и шкурахъ козихъ, рыбу ловили, отъ рукъ своихъ кормились... А эти!—это Навуходоносоры—велятъ, чтобъ имъ кланялись, какъ тому идолу на полѣ Деирѣ... Нѣтъ, не тутъ правда... Была для меня правда въ морѣ, только въ морѣ она и потонула... Кому я тамъ служилъ?—Имъ же—Навуходоносорамъ, и они же меня бросили въ печь огненную...»

— Что вы, баринушко, мало кушаете у насъ?

— Нѣтъ, няня,—я хорошо ѣмъ.

— Ужъ и хорошо,—словно цыпленокъ клюетъ... А яичница-то какая!

— Яичница чудесная, няня.

— Чудесная, а не кушаете... А все оттого, что вокругъ своей печали ходите.

— Какъ такъ, няня?

— Да все думаете въ мысляхъ... А коли у человѣка мысли—нѣту тово хуже.

Кравковъ улыбнулся.

— Какъ же, няня, безъ мыслей-то жить?

— А какъ други-то люди живутъ!

— Гдѣ жъ они?

— Да хоша бы Петръ Ильичъ либо Андрей Исаичъ... Понавѣдались бы когда къ нимъ, а то они къ вамъ: вотъ бы мыслей то и не было... А они же всѣ навѣщали хвораво-то.

— Твоя правда, няня, бываю у нихъ.

— Они люди простые, хоша и господа тоже.

«Можетъ я тутъ, въ этой глуши, среди простыхъ людей найду правду и душевный покой... Они же живутъ—не рвутся къ небу... Да у нихъ впрочемъ и горя такого не было...»

— А это Полюша вамъ рыжичковъ набрала.

— Спасибо ей: она добрая дѣвочка.

— Въ сметанкѣ-та да съ солью—и-и-скусно.

Кравковъ послушался старухи и сталъ иногда видѣться съ сосѣдями—то онъ ихъ навѣститъ, то они къ нему прїѣдутъ. Хотя общество ихъ и не было ему по душѣ, да и интересы этихъ захолустныхъ, небогатыхъ помѣщиковъ были самые узенькіе, обыденные—вертѣлись то около поля съ запашками, то около охоты за зайцами и утками, или же вращались въ сферѣ мѣстныхъ сплетень, однако и съ этими дикарями онъ чувствовалъ менѣе свое одиночество. Но порой и эти сосѣди съ ихъ скучными разговорами наводили на него тоску. Какъ идеаль ихъ стремленій было тоже масонство; но Кравкову опротивѣла одна мысль о масонахъ.

Онъ чувствовалъ, какъ тоска и пустота жизни затягивали его, словно омутъ. Онъ опять сталъ задумываться. Опять воспоминанія прежней, такой разумной и свѣтлой жизни туманомъ падали на его душу. Опять въ этомъ прошломъ воскресалъ дорогой образъ. Онъ снова запирался дома, или безцѣльно бродилъ по лѣсу, по окрестностямъ. Но онъ чувствовалъ, что и тамъ, по лѣсу, за нимъ бродило что-то... Это бродило за нимъ его прошлое, его тоска... Отъ нея некуда уйти—развѣ въ могилу?

Но послѣдняя мысль казалась ему оскорбленіемъ всего его свѣтлаго прошлаго—безумною, грѣшною мыслью, барскимъ капризомъ... «Отъ барщины бѣжать?—Нѣтъ, живи, страдай...»

Всего мучительнѣе терзало его сознаніе, что онъ не можетъ возвратиться къ прежней жизни, которая теперь представлялась ему потеряннымъ раемъ. Мысль его, когда она на минуты отрывалась отъ созерцанія того, что имъ было потеряно вотъ здѣсь, на этомъ самомъ берегу,—блуждала по далекимъ морямъ, гдѣ надъ его головой сверкало чудное солнце юга, гдѣ чарующею картиною развертывались передъ нимъ волшебныя страны. Ему казалось, что онъ опять бродитъ по оливковымъ и апельсиннымъ рощамъ острововъ Архипелага, слышитъ прибой фіолетовыхъ волнъ вѣчно говорливаго моря... Тамъ, въ Геллеспонтѣ, созерцая берега нѣкогда бывшей Троянской земли, онъ переживалъ тысячелѣтія, своею душою чувствовалъ то, что чувствовали когда-то эти герои и полубоги Греціи, съ которыми онъ породнился мыслью еще на школьной скамьѣ...

«Но какъ воротиться въ этотъ дивный міръ?—Черезъ Петербургъ?»...

Но передъ нимъ вставалъ во всемъ омерзѣніи барской спеси

возмутительный образъ Чернышова — и его гордый духъ возмущался... «Ни за что не поклонюсь презрѣнному сановнику!»

«Но какъ же жить?» снова терзался онъ вопросомъ.

«А живи такъ, какъ совѣтуетъ старуха нянька—безъ мыслей», отвѣчаетъ внутри его какъ бы чей-то посторонній голосъ.

И онъ рѣшился жить «безъ мыслей»: — онъ отдался теченію той жизни, которая его окружала.

Кравковъ снова сталъ видѣться съ своими сосѣдями, ѣздить съ ними на охоту, толковалъ о мужикахъ, объ урожаяхъ, о собакахъ. Онъ дѣлалъ то, что дѣлали всѣ. Но такъ какъ ни пороши съ заячьими слѣдами, ни собаки, не могли наполнить собой всей пустоты жизни, то дополненіе это старались находить въ винѣ:— въ этомъ зеленомъ россійскомъ океанѣ Кравковъ и надѣялся утѣпить свое горе.

Изъ нижеслѣдующаго читатель увидитъ, насколько Кравковъ успѣлъ въ этомъ.

IV.

Въ иргизскихъ скитахъ.

Прошло три года.

Лѣтнимъ утромъ 1780 года, за Волгой, по дорогѣ отъ села Малыковки, что нынѣ городъ Вольскъ Саратовской губерніи, къ Янку, шелъ какой-то прохожій, опираясь на длинную палку, какія обыкновенно носятъ странники.

Прохожій былъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, хотя рѣзкія морщинки, проведенныя на его лицѣ не то горемъ, не то думами, придавали этому строгому съ задумчивыми глазами лицу гораздо болѣе лѣтъ. На головѣ у него была простая мужичья войлочная шляпа, какъ-то не помужичьи опущенная на глаза, которымъ, казалось, тяжело было смотрѣть на все окружающее. Одѣтъ прохожій былъ въ грубую синюю крапешинную рубаху съ косымъ воротомъ, въ такія же штаны, заправленные въ высокіе мужицкой работы сапоги. На плечахъ сѣрый зипунъ и котомка, да за поясомъ тыква-горлянка для воды.

Хотя по всему одѣянію это былъ совсѣмъ мужикъ, но въ лицѣ его, въ выраженіи глазъ и въ какомъ-то неуловимомъ огнѣ ихъ, было что-то такое, что какъ-будто говорило, что глаза эти на своемъ вѣку перевидали что-то другое, не то, что доступно простому мужику въ его обыденной обстановкѣ, а голова эта, прикрытая мужицкою шляпою, передумала много такого, о чемъ мужичья голова никогда и не загадываетъ.

Въ волосахъ прохожаго и въ бородѣ съ чернымъ волосомъ рѣзко переплетались серебряныя нити сѣдины.

Онъ остановился повидимому затѣмъ, чтобъ передохнуть. Солнце уже пекло сильно. Прохожій окинулъ взоромъ разстлавшуюся передъ нимъ необозримую равнину. Это была степь, по которой семь лѣтъ тому назадъ бродилъ невѣдомый скиталецъ, за которымъ пошла потомъ половина Россіи.

— Экое море, Господи! тихо, съ какимъ-то умиленіемъ въ голосъ проговорилъ прохожій. — Только это не то море—не фіолетовое... А далеко-далеко оно, это фіолетовое море, словно моя молодость и мое счастье.

Онъ задумался. Безбрежная степь невольно навѣвала на душу думы. Тихо, безмолвно кругомъ. Изрѣдка надъ степью пролетитъ сѣдой лунь, плавными взмахами широкихъ крыльевъ нарушая мертвое однообразіе пустыни, да въ голубомъ прозрачномъ небѣ, трепеща острыми крылышками, рветъ сивая пустельга. Единственные живые голоса степи—это монотонно скорчащіе кузнечики.

— Такъ вотъ гдѣ мыкался Пугачовъ, гоняясь за своею долей и за своею страшною смертью... Только я ужъ не ищу своей доли...

Онъ сбросилъ съ себя котомку, отвязавъ отъ пояса тыкву-горлянку и сталъ жадно пить находившуюся въ ней воду.

— Что-жъ мудренаго, что за Пугачовымъ всѣ пошли, когда кругомъ одна неправда? Гдѣ же правда-то?.. Говорять-тамъ, за этой степью, въ тихомъ уединеніи лѣса...

Онъ снялъ съ головы шляпу и горько улыбнулся, глядя на нее. Потомъ глянулъ на свою рубаху, на запыленные сапоги, на котомку.

— Капитанъ-лейтенантъ въ сермягѣ... Что жъ! чѣмъ я лучше ихъ, что кромѣ сермяги ничего не знали?.. А я зналъ—и того довольно съ меня... Вспоминай прошлое... Эхъ, Руссо, Руссо! тысячу разъ правы твои святые слова: только въ природѣ человекъ находитъ истинное упокоеніе... Да, вотъ она—тихая, безмолвная, кроткая, а какъ много душъ сказывается она, мать-природа... О, моя матушка, матушка!

Онъ заплакалъ, закрывъ лицо ладонями. Голова его тихо качалась изъ стороны въ сторону.

— О, какъ горька ты и сладка, память прошлаго... Матушка, матушка моя!

Долго сидѣлъ онъ такъ, не поднимая головы, потомъ отнялъ руки отъ лица, оглянулся кругомъ и сталъ опять надѣвать на себя котомку.

— Иди-иди, капитанъ-лейтенантъ, съ горькою усмѣшкой проговорилъ онъ:—а то прошлое твое по пятамъ идетъ за тобою.

Онъ тихо пошелъ дальше. На дорогу изъ сухого чернобыльника выскочилъ зайчикъ-тушканчикъ, сѣлъ на заднія лапки и съ любопытствомъ глядѣлъ на прохожаго.

— Что, дурачокъ!—не боишься людей? — Люди, вѣрно, еще не научили тебя страху...

Тупканчикъ въ нѣсколько прыжковъ очутился опить въ травѣ. Путникъ продолжалъ идти, отъ времени до времени поглядывая въ разстилавшуюся передъ нимъ даль. Степи, казалось, конца не будетъ.

Но вотъ на горизонтѣ показались неясныя очертанія лѣса. Вдали желтели нивы созрѣвшаго хлѣба и виднѣлись, разбросанныя по равнинѣ, коническія шапки стоговъ сѣна.

— Должно быть близко, тихо проговорилъ путникъ: — это признаки жилья людского.

На нивахъ темнѣлись отдѣльныя точки. Ясно было, что это люди.

Скоро путникъ различилъ, что это были жнецы, убиравшіе хлѣбъ. По темному одѣванію онъ принялъ было ихъ за мужиковъ, но подойдя ближе, увидалъ, что это все были бабы и дѣвушки. Всѣ они по одеждѣ напоминали черничекъ.

У самыхъ нивъ дорога раздѣлялась на два пути. Прохожіи остановились, видимо недоумѣвая, какою дорогою идти ему дальше.

Онъ подошелъ къ жницамъ, которыхъ было нѣсколько десятковъ, и снялъ шляпу.

— Богъ въ помощь, люди добрые, сказалъ онъ, кланяясь.

Жницы поднялись, держа въ рукахъ серпы и пучки сжатой пшеницы.

— Спасибо тебѣ, человѣче, на божьемъ словѣ, отвѣчала одна изъ нихъ, пожилая, съ добрыми карими глазами.

— Скажите, матушка, какой дорогою я пройду въ скиты? спросилъ прохожіи.

— Коли ты съ добрыми мыслями, такъ пройдеши прямою дорогою, былъ загадочный отвѣтъ.

— Съ добрыми, матушка.

— А откуда ты, человѣче?

— Теперь изъ Малыковки.

— А кто тебѣ напутствіе далъ во скиты?

— Василій Алексѣевичъ Злобинъ.

— Злобинъ Василій Алексѣевичъ намъ вѣдомъ — хорошій человекъ... Что-жъ ты въ скиты—по какому такому дѣлу?

— Ищу, матушка, тихаго пристанища въ горькой жизни.

— А! только наше пристанище трудъ любить—да потрудится человекъ во славу божию.

— И я ищу труда.

— Дѣло благое... Такъ вотъ тебѣ дорога въ скиты—такъ и иди въ лѣсъ.

Путникъ поблагодарилъ, поклонился и пошелъ тѣмъ путемъ, который отклонялся вправо:—это и была дорога въ иргизскіе скиты,

нынѣ уже не существующіе: они уничтожены въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Своро путникъ вошелъ въ лѣсъ, прохладная тѣнь котораго, казалось, живоительно подѣйствовала на усталаго странника. Онъ снялъ шляпу и поднялъ свое задумчивое лицо. Въ грустныхъ глазахъ засвѣтилось что-то радостное.

Какъ тихо тутъ, безмятежно... Ужели тутъ обрѣту я свое пристанище? можетъ быть:—вѣрно не даромъ говоритъ старая пѣсня, которую я слышалъ когда-то еще отъ покойницы бабушки, что горе-злочастіе отстало отъ горюна только тогда, когда за нимъ замолчали монастырскія ворота.

Гдѣ-то за лѣсомъ видся къ небу синій дымокъ. По временамъ доносился крикъ пѣтуха да гнѣвный лай собаки.

— Да, жильѣ близко... Не видѣть ужъ мнѣ отсюда синяго моря...

Лѣсъ началъ рѣдѣть. Показались заборы, огороды, строенія. Изъ-за деревьевъ блеснулъ крестъ. Прохожій перекрестился.

— Благословенъ путь твой, человѣче! раздался вдругъ чей-то голосъ сзади.

Прохожій невольно вадрогнулъ и обернулся. Изъ лѣсной тропочки выходилъ на дорогу сѣдой старичекъ въ скуфейкѣ. Въ рукахъ у него была плетенка, доверху наполненная черно-сизою ежевикой.

— Благословенъ путь твой, человѣче! ласково повторилъ старичокъ.

— Спасибо вамъ, дѣдушка-отче, отвѣчалъ прохожій, невольно потупляясь передъ свѣтлыми, совсѣмъ молодыми глазами старичка.

— Въ скитокъ къ намъ путь держишь, милый? еще ласковѣе спросилъ старичекъ.

— Въ скитъ, отецъ святой... Могу я видѣть Никиту Петровича?

— А кто тебѣ, миленькой, сказалъ про грѣшнаго Никиту?

— Василій Алексѣевичъ Злобинъ.

— А—онъ, родной...

— Вотъ и письмо у меня къ Никитѣ Петровичу.

— Такъ-такъ, миленькой, улыбался старичекъ:—я этотъ самый Никита и буду.

— Вы?.. Извините—я не зналъ...

Старичекъ еще добродушнѣе улыбнулся.

— Какъ же, миленькой, знать всяко древо въ лѣсу?—А я здѣсь—то же древо старое во скитскомъ нашемъ вертоградѣ... Какъ же тебѣ знать меня, не видавши?

Пришлецъ снялъ съ головы свою коническую шляпу и вынулъ изъ нея завернутое въ платокъ письмо.

— Вотъ вамъ, Никита Петровичъ, письмецо отъ Злобина.

Старичокъ, поставивъ свою плетушку на землю, взялъ подавшее ему письмо, посмотрѣлъ на надпись, разломилъ большую сур-

гучную печать и сталъ читать написанное на четвертушкѣ синей бумаги. По мѣрѣ чтенія, лицо старика принимало какіе-то неуловимые оттѣнки—не то на немъ отражалось изумленіе, не то радость, не то сомнѣніе. Нѣсколько разъ онъ вскинулъ на пришельца своими ясными очами.

— Такъ вы и будете оный податель? спросилъ онъ, ворочая письмо въ своихъ сухихъ пальцахъ.

— Я, Никита Петровичъ.

— Евдокимъ Михайлычъ Кравковъ?

— Да, я самый.

— Господинъ капитанъ-литенатъ?

— Да, точно.

— Зѣло радъ.. такой высокій чинъ—и въ нашу бѣдную обитель..

— Ежели только примете... Вотъ мой указъ объ отставкѣ..

Кравковъ вынулъ изъ того же платка въ четверо свернутый листъ бумаги. Старикъ съ улыбкой посмотрѣлъ на него своими ясными глазами.

— Нѣтъ—нѣтъ, увольте, батюшка Евдокимъ Михайлычъ, господинъ капитанъ-литенатъ, торопливо заговорилъ онъ: — мы не сыщики—мы не связываемъ душу живую указами да пачпортами—это дѣло темное; не наше, нечистое дѣло... Кто убо воспретилъ птицѣ небесной летати по аеру?—ни самъ Господь.. Вонъ она, птичина божья, полетываетъ (старикъ указалъ на кружившихся надъ скитами голубей)... Такъ душу ли живую вязать пачпортами!—Христось тому не училъ—не спрашивалъ онъ указовъ да пачпортѣвъ, когда звалъ съ собою апостоловъ,—нѣтъ, не спрашивалъ!.. Воспомяните оно мѣсто во святомъ евангеліи: «ходя же при мори Галилейстемъ, видѣ два брата, Симона глаголемаго Петра и Андрея брата его, метающа мрежи въ море, бѣста бо рыбае. И глагола има: грядите по мнѣ и сотворю вы ловца челоувѣкомъ. Они же абіе оставивша мрежи, по немъ идоста»... Спрашивалъ онъ отъ нихъ пачпортѣвъ?—а? А они спрашивали его—кто-де ты такой?.. Спрашивать—кто ты да какъ—это уже дѣло Пилатово—не наше: ему подавай пачпортѣ да указы.. Ты ли еси царь іудейскій — это онъ вопрошалъ.. А мы — нѣтъ: мы по слову Христову всякаго страннаго принимаемъ въ обитель свою—она божья, не наша..

Старикъ говорилъ горячо, страстно. Ясные глаза его теплились глубокою искренностью:—онъ забылъ даже, что они стоятъ еще въ лѣсу, что собесѣдникъ его, быть можетъ, усталъ, проголодался. Много, видно, онъ испыталъ на вѣку, много видѣлъ несчастныхъ жертвъ этихъ пачпортѣвъ «да указы», много знавалъ людского горя, виною котораго было это «Пилатово дѣло», эти допросы да пытанья,—оттого и говорилъ съ страстностью.

— Они, Пилаты, вяжутъ душу живу, печатаютъ ее кустодію — душу-то живу, словно ко Христу привалили камень съ кустодію... Такъ нѣтъ—не удержали подъ печатью душу живу—воскресла!—воскресъ батюшка Христосъ!.. Пущай они, Пилаты, печатаютъ душу, а мы—нѣтъ; мы просимъ у Владыки-свѣта: кто дастъ мнѣ крилѣ яко голубинѣ—и полечу... да и полечу—полетитъ душа моя безъ пачпорта, а Владыка-свѣтъ вездѣ найдетъ ее: аще възду на небо—ты тамо еси, аще сниду во адъ—ты тамо еси, аще возьму крилѣ мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря—и тамо бо наставитъ мя и удержитъ мя десница твоя...

«Вселюся въ послѣднихъ моря»—что-то какъ-бы рѣзнуло по сердцу слушавшаго эту горячую рѣчь путника:—«да—и тамъ я чувствовалъ его»...

— А то на!--душу въ подушное обратили, словно осла подъяремнаго: плати, душа, подушное... Душу-то платить за себя заставляютъ—и кому же платить!—на какое дѣло!.. Богъ тебѣ далъ душу живу—ее припечатали кустодію! Богъ тебѣ далъ свой образъ и подобіе—его оскоблили... Дивлюсь, какъ носовъ не пообрѣзали—оно было бы еще глаже...

Старикъ, однако, опомнился и какъ-бы смутился немного.

— Что жъ я развякался такъ!—не обезсудь, родной.. Странничекъ истомился въ путинѣ, а я его морю... А все эти указы да пачпорта... пусто-бъ имъ.

. Онъ торопливо взялъ свою плетенку съ ежевикой.

— Такъ пойдемъ же, родной, господинъ капитанъ-литенать,—пойдемъ въ обитель нашу... Тамъ и потолкуемъ, а ты отдохнешь да и подкрѣпишься чѣмъ Богъ послалъ.

Они пошли дальше. Передъ изумленными глазами Кравкова постоянно развертывалась картина, которой онъ не ожидалъ: изъ зелени лѣса выступило цѣлое поселеніе — церковь, большіе, длинные дома и цѣлыя группы построекъ... Все это смотрѣло такъ привѣтливо, весело. Изъ-за домовъ выглядывала голубая поверхность огромнаго озера, окоймленнаго лѣсомъ. Густыя ветлы, клены, дубъ, липа, береза—все это такъ живописно осѣняло таинственное поселеніе, спрятавшееся въ зеленую чащу среди необозримой заволжско-яицкой степи. По озеру кое-гдѣ скользили рыбацкія лодки. На огородахъ виднѣлись люди—бабы и дѣвки копались въ грядкахъ, пололи, поливали. Слышался стукъ топора, визгъ пилы. На всемъ лѣсномъ оазисѣ видимо кипѣла жизнь, но такъ ровно, тихо, гармонично. Попадавшіеся на встрѣчу старичку и Кравкову—мужики не мужики, монахи не монахи, а что-то среднее—низко кланялись... «Господь по среди насъ», отвѣчалъ имъ на это старичокъ, и они проходили далѣе.

— Вотъ наши палестины—пустыня прекрасная, добродушно сказалъ старичокъ, когда они вошли на обширный дворъ, среди

котораго стояла небольшая деревянная церковь, украшенная по верху осьмиконечными крестами...

Старичокъ ввелъ Кравкова подъ крытое крыльцо длиннаго деревяннаго дома, гдѣ въ тѣни навѣса, у стѣны и по краямъ, находились широкія деревянные лавки.

Вдругъ въ воздухѣ пронесся рѣзкій металлическій крикъ, и эхо откликнулось ему по лѣсу и за озеромъ. Кравковъ невольно вздрогнулъ. Крикъ повторился еще и еще. Били въ чугунную доску.

— Било заговорило, съ улыбкою замѣтилъ старичокъ:—къ обѣду зоветь братію... Оно у насъ голосисто—до Бога кричитъ... Часъ прислѣ обѣдать—и вы съ нами потрапезуете... А послѣ того мы съ вами и покалякаемъ.

На дворъ какъ муравьи посыпались со всѣхъ сторонъ люди... Кравковъ не вѣрилъ, что онъ въ степи, въ безлюднотъ заволжѣ, гдѣ онъ видѣлъ только дикихъ сайгаковъ, убѣгавшихъ при видѣ человѣка, да медленно плавающего надъ степью беркута, либо бѣлаго луны.

V.

«Прекрасная пустыня».

— А ты поуспокойся, родной,—не надрывай сердца-то.

— Не могу, святой отецъ, видитъ Богъ—не могу... Ужъ очень долго все это въ душу пряталъ—вотъ душа и не выдержала:—прорвалась...

— Знаю—знаю, родной... Самъ я такой же жорновъ осельный на душѣ носилъ...

— И я несу...

— Ладно... У насъ ты ево на мельницу сдашь, жорновъ-отъ осельный... Ну, такъ какъ же?—Досказывай все, какъ на духу—легше станетъ на душу камень гнести, а то и совсѣмъ съ души свалится... Ну, такъ пріѣхалъ ты 'домой...

— Да, пріѣхалъ—думалъ счастье найду съ нею...

— Такъ—а родители уже померли?

— Померли—давно... Вотъ пріѣзжаю я, думаю—въ рай пріѣхалъ, а меня встрѣтило лютое горе...

— Что жъ—представилась откровица?

— Нѣтъ... Я и сказать не могу—языкъ коснѣеть...

— Что жъ, родной,—дѣло прошлое—не воротить.

— Да, не воротить... Она ждала меня, и отецъ силой отдавалъ ее за злодѣя.

— Точно—силой—это не хорошо... не силой, а любовью надо: не

сильной Христосъ насъ привелъ къ себѣ, но любовью... Кая же любовь выше, аще положити душу за други своя... Сила—это дѣло Пилатова... Ну?

— Она вырвалась изъ рукъ злодѣя и утопилась въ Окѣ..

— Ахъ, бѣдная отроковица, бѣдная! погубила свою душеньку чистую.

— И мою погубила..

— Что ты! что ты! пока человекъ живъ — божье око бдитъ надъ нимъ: а божье милосердіе—море неисчерпаемое:—на всѣхъ достанетъ.

Въ сторонѣ, на берегу озера подъ ветлами, слышалось тихое, мелодическое пѣніе. Пѣлъ чей-то свѣжій, юношескій голосъ:

О прекрасная пустыня!
Самъ Господь пустыню восхваляетъ,
Отцы въ пустынѣ скитають,
Ангелы отцемъ помогаютъ,
Апостоли отцовъ убаживаютъ,
Пророцы отцовъ прославляютъ,
Мученицы отцовъ восхваляютъ,
А вси святїи отцовъ величаютъ,
Отцы въ пустынѣ скитають
И горь воды испиваютъ,
Древа въ пустынѣ процвѣтають,
Птицы ко древамъ прилетаютъ,
На кудрявыя вѣтви посѣдаютъ,
Красныя пѣсни воспѣваютъ,
Отцовъ въ пустынѣ утѣшаютъ...

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Кравковъ это тихое, грустное пѣніе. Они сидѣли съ Никитою Петровичемъ въ скитскомъ саду, подъ грушею. Тутъ же былъ и скитскій пчельникъ. Пчелы суетливо жужжали по цвѣтамъ, а другія словно пули быстро летали то къ озеру за водой, то назадъ въ свои ульи.

— Кто это поетъ? задумчиво спросилъ Кравковъ.

— А вьюноша тутъ у насъ... Двое ихъ у насъ—два брата, иноки младые, Герасимъ да Савватїй... Вотъ тоже, что и ты—изъ благородныхъ, даже можно сказать—изъ высоко-благородныхъ.

— Кто же они?

— А изъ роду Персицкихъ... Отцы ихъ и дѣды атаманствовали въ вольскомъ войскѣ... Знаешь, чать, о вольскомъ войскѣ?

— Какъ же... Вольскіе казаки, говорятъ, къ Пугачеву тогда пристали, такъ послѣ усмиренія бунта вольское войско уничтожили—на Терекъ перевели.

— Точно-точно. Вонъ и наше яицкое войско за ту же провинку уральскимъ сдѣлали, чтобъ и имени-де и духу бунтовничаго не осталось... Такъ вотъ эти-то вьюноши Персицкіе не захотѣли властямъ

неправеднымъ покориться—не поѣхали на Терекъ, а пришли къ намъ въ пустыню, еще малыми робятками, да вотъ и теперь живутъ у насъ во славу божию—трудятся, и оба—какіе грамотники!— всѣ стихи духовные наизусть знаютъ... Вотъ нашли же утѣху въ пустынѣ, да еще въ такихъ молодыхъ лѣтахъ... Найдешь и ты свою утѣху.

— Дай-то Богъ!

Голосъ невидимаго пѣвца смолкъ, а собесѣдники все, казалось, къ чему-то прислушивались—не то къ тихому шопоту листьевъ, не то къ умолкшей мелодіи, которая какъ бы еще стояла и медленно замирала въ очарованномъ воздухѣ.

— Тихо у васъ, хорошо, невольно вздохнулось Кравкову.

— Да—тихая пустыня, безмолвная—это точно... Но кто въ ней, въ пустынѣ-то этой, долго пожилъ, для того она не безгласна, другъ мой... Преклони токмо ухо къ ней—она самимъ Господомъ говорить... Слышишь?

— Да, кажется, и я слышу...

Но это не пустыня говорила. Изъ-за ветель доносилась еще болѣе тихая, плачущая мелодія.

Какъ расплачется, какъ растужится мать
сыра земля передъ Господомъ:
Тяжело-то мнѣ, Господь, подъ людьми стоять,
Тяжелѣй того—людей держать,
Людей грѣшныхъ, беззаконныхъ,
Кои творять грѣхи тяжкіе,
Досаду чинять отцу-матери,
Убийства-татьбы дѣлають страшныя,
Повели мнѣ, Господи, разступитися,
Пожрать люди грѣшницы, беззаконницы.
Отвѣчаетъ землѣ Исусъ Христосъ:
О мати ты, мать сыра земля!
Всѣхъ ты тварей хуже осужденная,
Дѣлами человѣческими оскверненная!
Потерпи еще время моего пришествія страшнаго:
Тогда ты, земля, возрадуешься:
Убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй,
Прекрасный рай проращу на тебѣ,
Цвѣты райскіе пуцу по тебѣ...

— Ужъ и мастеръ же пѣть Герасимушко... Да и оба они—и Савватій—оба хороши пѣвцы... Какъ хорошо службу поютъ!—Это, сказываютъ, въ роду у Персицкихъ господъ... И отцы ихъ, атаманьѣ,—у! пѣвуны же, сказываютъ, были на все войско... А вотъ симъ въюношамъ Господь послалъ талантъ пустынножительства:—не скорбятъ о прелестяхъ міра сего тлѣннаго, о родѣ своемъ, объ

атаманствѣ: — и забыли, кажись, что они изъ породы Персидскихъ ¹⁾...

Старикъ остановился. Онъ увидѣлъ, что Кравковъ, закрывъ лицо руками, плакалъ. И у старика слезы навертывались на глаза.

¹⁾ Иргизскіе иноки, братья Персидскіе, Герасимъ и Савватій—это личности вполне историческія, не вымышленныя. Когда послѣ пораженія Пугачева Михельсономъ подъ Чорнымъ Яромъ, между трупами пугачевцевъ найденъ былъ документъ, обличавшій, что волжское войско передано Пугачеву, то войско это было уничтожено и переселено на Терекъ. Молодые же Персидскіе, проходившіе отъ атамановъ волжскаго войска, братья Герасимъ и Савватій («дѣти маіора Персидскаго», какъ ихъ называли въ официальныхъ бумагахъ) ушли на Иргизъ, гдѣ и оставались иноками до уничтоженія, уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, иргизскихъ раскольниковыхъ общинъ, гдѣ они пользовались большимъ уваженіемъ. По уничтоженіи иргизскихъ монастырей, Герасимъ и Савватій Персидскіе, уже маститые старцы, воротились къ себѣ на родину, въ Дубовку, гдѣ у нихъ оставались имѣнія, и у себя на хуторѣ, на рѣчкѣ Бердеѣ, основали свой собственный скитъ. Слава объ этомъ скитѣ и о самыхъ подвижникахъ прогремѣла по всему среднему Поволжью, по Дону и по Уралу, гдѣ раскольники знали Персидскихъ и считали ихъ, какъ значителенъ въ дѣлахъ, «великими свѣтилми правды». О скитѣ же ихъ старовѣры выражались: «солнце правосудія, зашедши на Иргизъ, по милости божіей воссіяло на Бердеѣ». Когда слухи объ этомъ дошли до правительства, то оно приказало запечатать и скитъ Персидскихъ. Но энергія братьевъ-иноковъ была несокрушима. Они основали на Бердеѣ тайный скитъ, превративъ въ моленную простую «овечью ивбу», чтобы тѣмъ усыпить бдительность властей, подобно тому какъ первые христіане усыпляли бдительность язычниковъ-римлянъ, отправляя свои богослуженія въ катакомбахъ, въ пещерахъ, «въ норахъ» и «язвинахъ». Но власти и объ этомъ дождались. Братьевъ Персидскихъ, уже очень дряхлыхъ старцевъ, арестовали.— «У отцовъ нашихъ войско волжское взяли, говорили они передъ властями—и насѣки атаманской лишили («насѣка»—атаманская бугава и доселѣ); съ насъ же рязи ангельскія снимаютъ и посохи странническіе отнимаютъ. Поручены казацкія вольности на Дону, на Яикѣ и на Волгѣ—нѣтъ болѣе славнаго войска яицкаго и волжскаго и не возвратится вспять казацкая вольность. Мы скрыли себя въ пустыни, тамъ стали въ ряды воинства Христова; но пришелъ врагъ и разогналъ наше войско. Вотъ мы и рѣшились искать новаго убѣжища, дабы умереть не въ острогѣ и предстать предъ Господомъ не въ сѣрой свитѣ (армякъ, чапанъ) арестанта, но во иноческомъ одѣяніи». Къ скиту Персидскихъ на Бердеѣ стали тяготѣть раскольники съ Дона, Вузлука, Медвѣдицы, съ Вурлука, Иловки и Волги. Всѣ эти свѣдѣнія о Персидскихъ я навлекъ изъ архивныхъ дѣлъ саратовскаго губернскаго правленія, когда занимался тамъ изслѣдованіемъ движеній въ расколѣ Поволжья, равно исторією уничтоженія иргизскихъ монастырей и гоненія на раскольниковъ въ Саратовѣ, Хвалынскѣ, Вольскѣ, Камышинѣ, Дубовкѣ, Царицынѣ и во всемъ нижнемъ Поволжѣ (гоненія эти особенно сильны были въ 40-хъ годахъ). Дворянскій родъ Персидскихъ доселѣ ивѣстенъ въ нижнемъ Поволжѣ: изъ атамановъ Персидскіе превратились въ предводителей дворянства и т. п.

— Что жъ, сынокъ,—поплачь, поплачь маленько... Это хорошо:— это душа твоя плачетъ, это пустыня въ нее вошла, святая, тихая пустыня... Ну, старое-то, горькое все, прискорбное, нечисть свѣтская—все это слезами сладкими изойдетъ... Это, другъ, пустыня очищаетъ тебя, аки баня пакибытія... Это душа въ тебѣ возрождается и аки младенецъ, исходя изъ утробы матерней, плачетъ... Хорошія это слезы, другъ,—и я плакалъ такими...

— Нѣтъ, не такія это слезы... Это слезы стыда, повора... Вѣдь они, мои злодѣи, душу мою отравили... Тамъ у меня, въ душѣ, проказа!

— А ты забылъ о прокаженномъ, другъ мой?

— Нѣтъ, помню... Но тогда былъ Христосъ на землѣ, а меня некому очистить.

— Не говори такъ, мой другъ:—Христосъ и понынѣ на землѣ, онъ среди насъ...

— Да я-то его не вижу... Я чертей видѣлъ, а Христа нѣтъ.

— Какихъ чертей ты видѣлъ, дружокъ?

— Да они меня, злодѣи-то мои, други и сосѣди—они меня споняли совсѣмъ, чтобъ овладѣть мною... А я пилъ съ тоски, потому что спать не могъ... И ко мнѣ стали черти являться...

— Это, другъ мой, мечтаніе.

— Я самъ знаю, что мечтаніе, да только я видѣлъ эту мечту... Голуби—я ихъ видѣлъ...

— Какіе голуби?

— Да когда злодѣи довели меня до наступленія, вокругъ моей головы все голуби летали.

— Что жъ—это мечтаніе... Ты былъ боленъ...

— Да, боленъ былъ... А они, пользуясь этимъ, подлецомъ меня сдѣлали, злодѣемъ, убійцей!

— Что ты! Господь съ тобой!

— Да... Я никого не убилъ, не зарѣзалъ—но хуже того:—я моихъ крестьянъ продалъ имъ, какъ скотину... Я и себя разорилъ и крестьянъ...

— А Господь на что? Онъ поможетъ имъ:—у него-свѣта—всего много.

— Но я души продалъ—родныя души: я продалъ свою няньку старуху, которая выносила меня на рукахъ, не спала за мной и дни и ночи... Я продалъ и внучку ея—бѣдная Поля!

— Кто жъ эти злодѣи твои были?

— Да все сосѣди—все дворяне, благородные...

— Охъ ужъ эти благородные! отъ нихъ-то все и зло на землѣ!

— Отъ нихъ—это я самъ на себѣ испыталъ... Чѣмъ выше человекъ стоитъ, тѣмъ онъ бездушнѣе... Отъ чернаго рабочаго народу нѣтъ такого зла, а все зло отъ нашего брата—отъ благородныхъ... Они, благородные, довели меня до безумія, до скотства. А какъ

увидѣли, что я въ безуміи могу что-либо учинить надъ собою или надъ другими, они какъ вора или разбойника взяли меня подъ караулъ да и отвезли во Владимірѣ. А сколько времени тамъ они морили!.. Да и это еще ничего. Нѣтъ, имъ нужно было до конца сгубить мою душу. По знакомству съ графомъ Воронцовымъ, Романомъ Ларионовичемъ, нашимъ генераль-губернаторомъ, они уговорили его назначить меня на мѣсто. А у графа свой умыселъ былъ. Водилась у него нѣкая метреса, дѣвка, тоже изъ благородныхъ, да надоѣла ему. Такъ онъ и возымѣлъ мысль сбыть ее съ шеи, отдѣлаться. А такъ просто, какъ отъ холопки, отдѣлаться нельзя, благородная вѣдь, шляхетскую честь надо соблюсти: надо выдать за благороднаго же. Я какъ разъ и пригодился. Взялъ онъ, Воронцовъ-то, да и назначилъ меня во Владимірѣ въ верхній земскій судъ засѣдателемъ, а тамъ и сталъ ухаживать за мною: познакомилъ съ своею метресою. Та ужъ была подучена—она и обвела меня своею красотою да и притворною невинностью. Лицомъ же, на мое несчастье, она походила на мою покойную невѣсту. Я и поддался соблазну—женился на ней: думаю, по крайней мѣрѣ, заживу чело-вѣкомъ—успокоюсь въ своей семьѣ... А вмѣсто успокоенія я нашелъ сущій адъ. Она не любила меня, а вышла за меня, чтобъ мною прикрыть свое поведеніе. Тогда я все понялъ. Она не думала скрывать отъ меня своихъ поступковъ, а говорила, что какъ прежде любила графа, такъ и теперь любить. Да только графъ-то ее ужъ не любилъ: у него завелась новая утѣха. Чтобъ отдѣлаться отъ насъ, онъ перевелъ меня на службу въ Пензу, подальше отъ себя. А тамъ мнѣ еще хуже стало—я не вынесъ моихъ мученій. Я хотѣлъ покончить съ собой, но рука не подымалась...

— Какъ можно!—эка грѣхъ какой! Ужъ что же хуже самоубийства! Началь головой старикъ.

— Не втерпезъ было... Я вѣдь никому о своемъ горѣ не говорилъ—вамъ это первымъ рассказываю...

— Что жъ, мнѣ можно: мнѣ какъ будто на духу.

— Вы какъ отецъ меня приняли...

— И точно—я всѣмъ здѣсь отецъ,—потому—старше всѣхъ:—тоже, значить, ветхъ денми...

— Да... Я такъ и рѣшилъ съ собой:—пойду искать добрыхъ, простыхъ людей...

— Простые-то добрѣе, потому—къ Богу ближе живутъ.

— Правда, я самъ это чувствую здѣсь... У васъ рай.

— Точно—рай:—пустынюшка матушка.

— Спасибо Злобину—Василію Алексѣевичу—онъ направилъ меня къ вамъ.

— И благо учинилъ:—у насъ тихо... Вонъ какъ хорошо нашъ скитской соловушко распѣваетъ, благо праздничекъ Богъ далъ:—

всѣ скитскіе-то по ягоды да по грибы пошли, и онъ вотъ, Герасимушко нашъ, пустыню воспѣваетъ..

А изъ-за ветель дѣйствительно неслось пѣніе:

О прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Безмолвная мати пустыня,
Безмолвная, не празднословная,
Безропотна, не строптивая,
Смиренномудренна, терпѣлива...

— А какъ же жена? спросилъ старикъ.

— Она осталась въ Пензѣ.

— И не знаетъ, что съ тобой?

— Не знаетъ,—да она и не хочетъ знать:— она тяготилась мною, да и мнѣ она стала въ тягость... Впрочемъ, она, кажется, нашла свое счастье... Она обо мнѣ жалѣть не будетъ... Я для нее, какъ и для всего свѣта, въ воду канулъ.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СОЦИАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА ¹⁾.

VI.

Передъ исправникомъ.

КРАВКОВЪ окончательно поселился въ скитахъ. Жизнь его тѣжъ уходила, что онъ искалъ покоя, забвенья. Скитская же жизнь вполнѣ отвѣчала идеалу человѣка, утомленнаго жизнью, съ разбитымъ прошлымъ и съ будущимъ, въ которомъ не свѣтилось ни одного луча надежды. Еслибъ онъ былъ другимъ человѣкомъ, онъ бы примирился и съ тою жизнью, какъ мирятся миллионы. Но въ душѣ его теплилось что-то такое, что освѣщало передъ нимъ возмутительныя стороны той жизни, которую онъ бросилъ, и онъ не искалъ возврата къ ней... У него въ душѣ было много поэзіи, теплоты. Еще еслибъ у него осталось море да молодья вѣрованія; такъ нѣтъ:—голубое море съ его безконечною далью у него отнято, и молодья вѣрованія его разбиты. Такъ лучше ужъ тутъ, въ этой пустынѣ, среди природы похоронить себя.

А въ этой пустынѣ была своя жизнь и много поэзіи. Скиты представляли значительное поселеніе людей, совершенно свободныхъ, ни отъ кого не зависѣвшихъ—не знавшихъ ни что такое исправникъ, ни что такое подати и паспорта. Въ скитахъ въ это время находилось болѣе ста мушницъ — и старыхъ, и молодыхъ, и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XV, стр. 24. Digitized by Google

даже дѣтей, и до пяти-сотъ женщинъ. Пустыня эта была въ сущности не пустыня, а только уединенная колонія, маленькое теократическое, но въ сущности демократическое государство, не знавшее ни войнъ, ни рекрутчины, ни начальства. Начальство они были сами. А кто заслуживалъ между ними наибольшаго уваженія, тому они охотно и съ любовью повиновались. Дѣлать имъ было нечего:—у нихъ все было общее. Да и дѣлать было не изъ чего: ихъ уединенная, дѣйствительно прекрасная «мати пустыня» была маленькая земляца, буквально «текущая медомъ и млекоу». У нихъ было обширное хозяйство. Обширныя дѣвственные степи, которыхъ отъ сотворенія міра не касалась ни соха, ни плугъ и по которымъ только разгуливали стада робкихъ сайгаковъ, — степи эти, прародительницы нынѣшней «самарской житницы», родили имъ золотую пшеницу самъ-сто. Озера и рѣки Иргиза давали имъ въ изобиліи рыбу. По землямъ ихъ паслись цѣлыя стада крупнаго и мелкаго скота. Это былъ дѣйствительно рай.

Всѣ скитники работали на общину. Но это была такая легкая, такая благодарная работа.

Были въ скитахъ и такія радости жизни, которыя возможны только тамъ, «въ мирѣ»... Гдѣ молодость, здоровье — тамъ и любовь,—иначе жизнь была бы не полная.

Три года прожилъ Кравковъ въ скитахъ и чувствовалъ, что въ душу его сошелъ миръ: — тѣ глубокія раны, которыя онъ носилъ въ сердцѣ—зажили. Отъ всего прежняго остались только тихія, дорогія воспоминанія, а все острое, жгучее — точно подернулось дымякою дали, смягчилось въ своей рѣзкости и жгучести...

«Ученый морякъ, капитанъ-лейтенантъ, поклонникъ Руссо, съ тихою улыбкою думалъ онъ иногда:—а теперь раскольникъ скитникъ... А побылъ бы Руссо въ моей шкурѣ — въ шкурѣ бѣднаго російскаго дворянина, тогда бы онъ понялъ, что такое скитъ для русскаго, что такое «пустыня» для затравленнаго звѣря»...

И сидя на берегу Калача—такъ называлось озеро, надъ которымъ расселились скиты—онъ закидывалъ въ воду удочку и тихо подтягивалъ молодымъ инокамъ, Герасиму и Савватию Персидскимъ, которые пѣли одинъ изъ любимыхъ скитниками «противоцерковныхъ стиховъ»:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
 Съ попами-дьяками хлѣбъ-соли не водитъ,
 Къ Богу съ покаяньемъ часто прибѣгаетъ
 И властей-начальства знать совсѣмъ не знаетъ.

Озеро раздѣляло мужской скитъ отъ женскаго, который былъ красиво расположенъ по ту сторону. Скитницы въ это время мочили у берега ленъ и, слушая, какъ поютъ «братья», съ своей стороны голосисто загѣвали:

По грѣхѣмъ нашимъ, на нашу страну
 Попусти Богъ бѣду такову:
 Облакъ темный всюду осѣни,
 Небо и воздухъ мракомъ потемни;
 Солнце въ небеса скры своя лучи
 И луна въ ночи свѣтлость помрачи,
 А и звѣзды вся потемниша зракъ,
 А и свѣтъ дневной преложися въ мракъ...

Тихо—дѣйствительно пустыня, дѣйствительно рай. Ни прилива, ни отлива въ этомъ морѣ тиши и упокоенія.

Но когда въ душѣ улеглись жгучія боли, когда прошлое—и то далекое, счастливое, свѣтлое, и это недавнее горькое — когда это прошлое отошло уже въ область воспоминаній, а настоящее какъ-бы застыло въ той формѣ жизни, о которой можно было бы сказать—«идѣ же нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе»,—Кравковъ почувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ... Не достаетъ прилива и отлива въ этомъ тихомъ пристанищѣ, недостаетъ бурь, въ этомъ безпечальномъ морѣ тишины... Да, неоставало чего-то.

Будь онъ такой же, какъ Герасимушка Персидскій, который ничего кромѣ Волги и Дубовки не видалъ, для котораго весь міръ — въ этой опрокинутой надъ пустынею скорлупѣ голубого неба, ограничиваемаго вонъ этимъ горизонтомъ,—онъ удовольствовался бы пѣніемъ «Стиха преболѣзненнаго воспоминанія о овлобленіи каеоликовъ» или объ «Аллилуевой женѣ милосердной», собираніемъ грибовъ и ежевики, уженіемъ рыбы въ Калачѣ и Иргизѣ, дѣленіемъ дня и всей жизни между заутренями и обѣдами, вечерними и всенощными; но, на несчастье или счастье, онъ видѣлъ когда-то такое, чего Герасимушкѣ и во снѣ не грезилось, читалъ то, чего Герасимушкѣ не понять, передумалъ столько, сколько всѣ головы обоихъ скитовъ, вмѣстѣ взятыя, не передумали во всю свою жизнь. Часто, сидя на берегу Калача и закинувъ удочку въ воду, онъ совсѣмъ забывалъ гдѣ онъ, а вмѣсто скита на томъ берегу озера передъ его глазами разстилался троянскій берегъ, въ виду котораго стоялъ когда-то ихъ корабль, а въ душѣ безконечною лентою развертывались картины, одна другой ярче, одна другой заманчивѣе... «Что-то дѣлается тамъ, внѣ этой мертвой пустыни? Все такъ же ли бьетъ ключомъ жизнь, какъ тогда, давно когда-то?». — Ему страстно захотѣлось хоть еще разъ взглянуть на эту жизнь, хоть издали прислушаться къ ея чарующему шуму... Вѣдь это все равно что заживо погребенному выйти изъ темной могилы и посмотрѣть вновь на голубое небо, на жаркое солнце, увидѣть тѣ мѣста, по которымъ онъ когда-то, до погребенія своего, ходилъ, не думая, что все это у него разомъ отыметъ, что все это станетъ для него недоступнымъ, недосыгаемымъ.

Хоть бы разъ еще увидѣть родную Оку, тотъ берегъ съ бере-

зою, съ которыми связано было столько сладкихъ и горестныхъ воспоминаній. Тамъ же и родная усадьба, и родная деревенька, которую онъ такъ безсовѣстно продалъ. Тамъ же и дорогія могилы... И все это брошено, забыто!

Въ душѣ его заговорило горькое, мучительное сознание того, какъ безчеловѣчно поступилъ онъ съ людьми, которые безконечно были ему преданы, которые, кажется, вымолили его у смерти, когда онъ, послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, беспомощно метался въ своей одинокой горенкѣ... Нѣтъ, не беспомощно:—надъ нимъ плакали и страдали. Два любящія существа не покидали его ни на минуту, забывая и сонъ и покой—и онъ ихъ безчеловѣчно продалъ какъ гончихъ собакъ, продалъ — одну уже на закатѣ ея жизни, когда ей самой былъ нуженъ и уходъ и покой, другую—на самомъ разсвѣтѣ ея молодой жизни... Между тѣмъ она его любила: онъ не могъ этого не видѣть при всемъ безумномъ эгоизмѣ, на который только способно личное, острое страданіе, забывающее все, кромѣ своихъ личныхъ болей...

Нѣтъ, онъ долженъ поправить эту безчеловѣчную ошибку, если только уже не поздно. Онъ долженъ ихъ выкупить, дать имъ волю вновь жить своею жизнью хотя бы вотъ въ этихъ скитахъ. У него еще сбережено нѣсколько сотъ рублей, и онъ выкупить изъ кабалы бѣдную старушку и столько же, если не болѣе несчастную дѣвушку.

.....

Въ одно утро, когда всѣ скитники собрались за трапезу, Кравкова не оказалось межъ ними. Прошелъ день, другой, третій, прошла недѣля—нѣтъ Кравкова. «Добрый баринъ», какъ всѣ привыкли его звать въ скитахъ, исчезъ—словно въ воду кануль. Всѣ пожалѣли объ немъ, потому что всѣ любили его за скромность, хотя не могли не видѣть, что у него есть за душою что-то свое, чѣмъ онъ ни съ кѣмъ не дѣлился; но какъ всѣ догадывались, что это было горе, которое таилось въ его душѣ, то его жалѣли и любили еще болѣе.

«Не перекипѣлъ еще», бормоталъ про себя, качая сѣдою головой, Никита Петровичъ:—«не убродилось душевное пиво—нѣтъ, не убродилось... Понесъ свою душу супротивъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ житейскихъ—размечуть ее буйные вѣтры... не скитская душа—воинствующая»...

Прошло недѣли три. Въ Макарьевской слѣбодѣ, что подъ Нижнимъ, проходилъ какой-то мужикъ съ котомкой за плечами, опираясь на длинную палку. Онъ шелъ черезъ базаръ, не обращая вниманія на обычную базарную суетню и на то, что базарные люди передъ кѣмъ-то снимали шапки. Этотъ кто-то былъ исправ-

никъ, какъ можно было судить по его полицейской формѣ, а еще болѣе по начальническому виду.

— Эй! ты кто? послышался вдругъ окрикъ.

Всѣ воззрились на того, на кого кричалъ исправникъ. А тотъ, къ кому относился окрикъ, продолжалъ идти далѣе, ни на что не обращая вниманія.

— Эй ты, бродяга!—тебѣ говорятъ! повторился окрикъ.

Опять нѣтъ отвѣта. Пухлыя щеки исправника побагровѣли отъ гнѣва.

— Задержать его! крикнулъ онъ десятскимъ.

Нѣсколько человекъ перегородили дорогу прохожему. Тотъ остановился, удивленно посматривая на нихъ. Подошелъ исправникъ.

— Ты кто такой? съ прежнимъ гнѣвомъ спросилъ онъ.

Прохожій спокойно поглядѣлъ ему въ лицо, смѣрилъ съ головы до ногъ и что-то въ родѣ усмѣшки блеснуло въ его черныхъ задумчивыхъ глазахъ. Это окончательно взорвало полицейскаго претора.

— Какъ ты, мерзавецъ, смѣешь не отвѣчать мнѣ! окончательно накинулся онъ на страннаго человекъ.—Да я тебя, мерзавца.

— Ты? меня? спокойно спросилъ прохожій съ тою же усмѣшкою.

Исправникъ даже отшатнулся.

— И ты еще смѣешь тыкать меня!—ты!—ты!

— Я слѣдую твоему примѣру, былъ тотъ же спокойный отвѣтъ.

— Ды ты знаешь ли—кто я!

— Знаю... Человекъ, роняющій власть.

— Какъ! я!.. Исправникъ не нашелся даже что сказать.

— Да, ты... Ты роняешь власть...

— Я исправникъ!

— Вижу... Тѣмъ хуже для тебя—ты не на мѣстѣ...

— Да какъ ты смѣешь со мной такъ говорить!

— Потому что ты такъ говоришь...

— А! такъ я тебѣ покажу!—Говори: кто ты такой?

— На это отвѣчу, ибо ты, яко исправникъ, имѣешь право на такой вопросъ: я—капитанъ-лейтенантъ.

Исправника видимо озадачилъ такой отвѣтъ. Онъ сразу какъ бы смутился. Но увидѣвъ, что окружившая ихъ базарная толпа какъ будто бы насмѣшливо улыбається, снова покраснѣлъ отъ досады.

— Какой ты капитанъ-лейтенантъ!—ты бродяга.

— Нѣтъ, я не бродяга... Со мной указъ объ отставкѣ.

— Такъ ты самозванецъ!

— Такой же какъ и ты.

Въ толпѣ послышался одержанный смѣхъ. Исправникъ злобно оглянулъ народъ, но ничего не сказалъ.

Между тѣмъ прохожій снялъ съ себя котомку, неторопливо вынулъ изъ нея книгу, изъ книги—вчетверо сложенный листъ и подалъ его исправнику.

— Вотъ мой указъ.

Исправникъ торопливо развернулъ бумагу. Руки его дрожали. Быстро пробѣжалъ онъ написанное, бормоча: «капитану-лейтенанту Евдокиму Михайлову сыну Кравкову... изъ адмиралтействъ-коллегій... подписалъ вице-адмиралъ Чичаговъ... печать... скрѣпа»...

— Такъ вы Кравковъ?

— Да, я Кравковъ.

— А если видъ подложный?

— Можете справиться по принадлежности.

— Но и настоящій указъ можно добыть какимъ ни-на-есть способомъ отъ другого лица.

— Я не добывалъ.

— Зачѣмъ же вы такъ ходите?

— Такъ хочу.

— Для чего вы носите бороду?

— Бородъ нынѣ носить не воспрещается.

— Но вы дворянинъ.

— Чѣмъ же борода безчеститъ дворянина?—Бороду в Спаситель носилъ.

— Такъ то Спаситель... А вы російскій дворянинъ.

— И русскіе цари носили бороды.

Исправникъ не зналъ что дальшѣ говорить.

— А зачѣмъ вы крестьянское платье носите?

— Такъ хочу... Не хочу имѣть никакой отлички отъ крестьянина:—онъ такой-же человѣкъ, какъ я.

Въ толпѣ послышался ропотъ удивленія и одобренія. Исправникъ чувствовалъ неловкость своего положенія; но старался выдержать роль претора до конца.

— Дворянину въ неподобной одеждѣ ходить нельзя.

— Почему же?

— Соблазнъ... неподобно... въ законѣ не указано...

— На это нѣтъ закона, какъ равно закономъ не воспрещено дворянину ѣсть черный хлѣбъ вмѣсто бѣлаго...

— Вотъ такъ отрѣзалъ, братцы, послышалось замѣчаніе въ толпѣ.

— Нуу!—язычекъ же!— бритва...

— Ай да баринъ!—умѣеть отвѣтъ держать...

— Комаръ носу не подточить... Вотъ тѣ и тихоня!.. И насчетъ одежды—нуу!

Исправникъ грозно оглянулъ толпу. Все шарахнулось назадъ.

— Все же я долженъ васъ арестовать, рѣшилъ наконецъ исправникъ.

— За что?—какъ!

— За ношеніе неподобной одежды.

— Но мой указъ, мое званіе!

— Ваше поведеніе недостойно вашего званія.. Я васъ арестую.

— Вотъ тѣ и клюква! не выдержалъ кто-то въ толпѣ.

Исправникъ нетерпѣливо обратился къ десятскимъ.

— Разогнать эту сволочь!—Прочь отсюда!—въ шею ихъ!

Десятскіе бросились на народъ. Передніе осадили заднихъ, — тѣ бросились бѣжать. Десятскіе пустили въ ходъ палки.

— Идите за мной, продолжалъ исправникъ, пряча бумагу Кравкова за бортъ кафтана.

— Но зачѣмъ?—Я иду къ себѣ на родину.

— Куда это?

— Во Владиміръ—въ Пороховець.

— А откуда?

— Я иду изъ-за Волги, изъ Иргизскихъ скитовъ.

— А зачѣмъ вы тамъ были?

— Я просто жилъ тамъ.. Я могу жить гдѣ хочу.

— Но я все-таки обязанъ представить васъ высшему начальству—препроводить въ намѣстническое правленіе... Какъ рѣшить начальство...

Кравковъ долженъ былъ покориться необходимости.

Его какъ арестанта отправили въ Нижній при бумагахъ и велѣли сдать въ намѣстническомъ правленіи «подъ росписку», словно пакетъ какой-нибудь.

«Пилатово это дѣло — темное, нечистое, вспоминались ему дорогой слова Никиты Петровича: — вотъ и узналъ, что дѣлается на божьемъ свѣтѣ, вдали отъ пустыни... Опять бы туда? — а то хоть на край свѣта, только бы подальше отсюда!»..

VII.

Передъ генераль-губернаторомъ и архіереемъ.

2-го октября 1784 года, Кравковъ предсталъ предъ лицо исправлявшаго должность нижегородскаго и пензенскаго генераль-губернатора, генераль-поручика Ребиндера, одного изъ тѣхъ Ребиндеровъ, объ одномъ изъ коихъ мы читаемъ очень характерное замѣчаніе въ «Дневникѣ Храповицкаго» подъ 4-мъ марта 1787 года, гдѣ говорится: «Услыша, что Ребиндеръ съ графомъ Ставельбер-

гомъ поѣхали верхами, сказано (т. е. Екатерина II сказала Храповицкому), что когда лифляндцы вмѣстѣ сойдутся, всегда говорить по-чухонски. Послѣ того вошелъ Ребиндеръ, и въ томъ признался».

Эта мѣткая характеристика въ устахъ замѣчательной женщины и императрицы могла быть примѣнена въ то время и ко всѣмъ Ребиндерамъ, въ томъ числѣ и къ нашему — къ нижегородскому. Эти люди, охотѣе говорившіе по-чухонски чѣмъ по-русски, не знали и не хотѣли знать страны и ея народа, которыми, однако управляли въ качествѣ правителей и намѣстниковъ, и не могли любить ни первой, ни послѣдняго.

Тщательно выбритый, завитой и напудренный, Ребиндеръ съ удивленіемъ и какою-то нескрываемою гадливостью смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ мужика съ умными задумчивыми глазами.

— И вы—капитанъ-лейтенантъ подлинно? спрашивалъ онъ съ ядовитою вѣжливостью.

— Подлинно капитанъ-лейтенантъ, былъ отвѣтъ.

— И вы проходили морское ученіе?

— Проходилъ.

— Въ какомъ заведеніи?

— Въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

— И экспедиціи дѣлали?

— Да—болѣе десяти.

— Что же заставило васъ бросить службу?

— Нежеланіе продолжать ее.

— Странно... Можетъ быть, неудовольствія по службѣ?

— Нѣтъ—меня отличало начальство.

— Какъ же вы могли промѣнять лейтенантскій униформъ на это... на эту сермягу?

— Промѣнялъ...

— Не понимаю!

— Много пришлось бы рассказывать... не стоитъ...

— Но что жъ вы дѣлали?—гдѣ жили?—что намѣрены дѣлать?

— Я воротился домой... Меня обобрали и обманули... Я поступилъ на службу—меня опять безбожно обманули... Я бросилъ службу... сбросилъ съ себя оболочку даже, подъ которою прячется одна ложь—и ушелъ туда, гдѣ нѣтъ лжи...

— Куда же? съ едва скрываемою ироніею спросилъ Ребиндеръ:—гдѣ это вы нашли такую Аркадію?

— За Волгой.

— За Волгой?—вотъ тутъ?

— Нѣтъ, на Иргизѣ.

— На Иргизѣ?—гдѣ же это?

— За Малыковкой

— Я этой мѣстности не знаю.

— Ниже Симбирска и выше Саратова... Въ Иргивскихъ скитахъ.

— А! въ скитахъ!—Такъ вы раскольникъ?—Вотъ что!—дворянинъ—и раскольникъ! Ребиндеръ пожалъ плечами.

— Нѣтъ... я не раскольникъ... Я только нахожу сомнѣнія въ разсужденіи церковныхъ—не почитаю не только духовенство, но и церковь...

— О! Ребиндеръ всталъ.—Даже церковь?

— Да... И то, что попы называютъ таинствами — я не признаю...

— Что же вы признаете?

— Евангеліе и правду...

— О! улыбнулся вельможа: — я не православный — въ вашей религіи я не силенъ... Я лучше попрошу его преосвященство переговорить съ вами о семъ предметѣ... Прощайте!

— Можете увести его, обратился онъ къ стоявшимъ у порога съ ружьями солдатамъ.

Кравковъ, горько улыбувшись, вышелъ.

«Прежде къ Пилату, шепталъ онъ: — а теперь, видно, къ Аннѣ и Каиафѣ поведутъ... Ходи, Кравковъ, ходи... Вотъ тебѣ и свѣтъ широкій, вотъ тебѣ и фіолетовыя моря!..»

На другой день Кравкова вели по улицамъ Нижняго какъ простого арестанта. И передъ нимъ и за нимъ шли два солдата съ ружьями. Передъ его глазами открывалась красивая панорама Волги и далекаго Заволжья. Онъ вспомнилъ, какъ давно когда-то, еще мальчикомъ, онъ былъ въ Нижнемъ съ отцомъ, и эта далекая панорама поразила его юное воображеніе. Неужели же можно добратъся туда, въ эту недосыгаемую даль? думалось ему тогда. А въ такія ли дали, послѣ, забрасывала его судьба!—Такія ли панорамы развертывались передъ его изумленными очами, когда корабль его носило по океанамъ!.. А теперь... вонъ куда занесло его утлую ладью...

Кравкова ввели къ архіерею. Горькое чувство шевелилось въ душѣ арестанта.

— Приблизися, сынъ мой, тихо сказалъ архіерей, опершись тучнымъ тѣломъ на аналой, на которомъ лежали крестъ и раскрытое евангеліе, и залпывшими жиромъ глазками осматривая съ ногъ до головы интереснаго арестанта.

Кравковъ не двигался. Губы его судорожно передергивались.

— Подойди, сынъ мой, повторилъ епископъ, возвышая голосъ.

— Зачѣмъ?—Что мнѣ тутъ дѣлать? произнесъ арестантъ.

— Сотвори крестное знаменіе и поцѣлуй крестъ и слово Спасителя твоего.

— Для чего!.. Я не хочу этимъ играть... Я много цѣловалъ его, я его слезами обливалъ...

— Паки поцѣлуй, настаивалъ епископъ.

— Да зачѣмъ вамъ это!—зачѣмъ вамъ этотъ крестъ! — какое вамъ дѣло до Спасителя! съ страшною горечью произнесъ арестантъ.

— Какъ какое дѣло! изумился епископъ.

— Не Его ли именемъ вы мучите народъ, глубоко вѣрующій, глубоко любящій, народъ, у котораго вѣра чище вашей и искреннѣе!.. Не Его ли именемъ вы загоняете его въ пустыни и дебри!.. Не Его ли именемъ возжигаютъ костры и сожигаютъ на нихъ тысячи невинныхъ! Не Его ли именемъ пролиты рѣвки крови, когда онъ Самъ пролилъ свою божественную кровь за насъ, чтобы только мы не были звѣрьми, не ѣли бы другъ друга!.. Не Его ли священнымъ именемъ сильные угнетаютъ слабыхъ, богатые обираютъ нищихъ!.. Не Его ли именемъ прикрываютъ все глубоко неправое и глубоко безнравственное!.. Вы, вонъ, въ шелковой рясѣ, въ богатыхъ палатахъ, тотъ весь въ золотѣ, у тѣхъ власть и богатства,— и вы ли смѣете безтрепетно богохульствовать, произнося чистое имя Того, Который но имѣлъ гдѣ главу преклонить! — Вы ли Его служители?—Нѣтъ, вы служители Ирода!.. Это Онъ, божественный страдалецъ, къ вамъ обращался, говоря: «о, порожденія ехиднова! како можете добро глаголати, зли суще?»

— Что ты! что ты!—ты богохульствуешь, еретикъ! могъ только произнести архіерей, все далѣе и далѣе отступая въ глубь обширнаго кабинета, съ испугомъ оглядываясь по-сторонамъ.

— Нѣтъ, вы богохульствуете каждымъ вашимъ словомъ, каждымъ поступкомъ! продолжалъ арестантъ:—вы отъ Его божественнаго ученья, отъ всѣхъ правилъ и заповѣдей Его не оставили не искаженнымъ и не оскверненнымъ ни одного слова, ни одной іоты, какъ слѣпые и злые люди не оставили камня на камнѣ отъ того храма, гдѣ Онъ, божественный страдалецъ, училъ любить ближняго какъ самого себя... А гдѣ вашъ ближній?—Вы загнали его въ дѣса, въ пустыни, въ норы и язины, вы отдали его кровное достояніе богачу, а его хижину оставили безъ крыши, вы одѣли сильнаго пурпуромъ, а его тѣло отдали на жертву холода и дождей, вы обули богача въ сафьянъ и замшу, а ближняго гоните босымъ и голоднымъ на барщину... О, порожденія ехиднова!..

Кравковъ вдругъ остановился, какъ бы сразу проснувшись или опаматовавшись отъ бреда. Онъ протянулъ впередъ руки...

— Простите меня, ваше преосвященство! со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ:—я не хотѣлъ оскорбить васъ... Я не къ вамъ относилъ мои слова... Я небу жаловался, я вѣтру кричалъ... Ваше преосвященство! я такъ много думалъ, такъ много страдалъ...

— Успокойся, сынъ мой... Богъ тебя проститъ... Въ тебѣ говорить заблужденіе, духъ гордыни, началъ было архіерей.

— Гордыня!—въ армякѣ-то этомъ!—И арестантъ съ горечью показалъ на свой жалкій костюмъ.

— Гордыня и въ рублищѣ ходитъ... А ты, сынъ мой, смирись...

— Что вы мнѣ говорите! — опять страстно воскликнулъ арестантъ:—меня прислали къ вамъ, чтобъ вы меня увѣщевали, какъ раскольника, какъ какого-нибудь начетчика... Да, я Вольтера всего прочелъ, Руссо наизусть знаю, Дидерота, Даламберта, Гельвеція! Надъ святыми словами евангелія я до сихъ поръ плачу какъ ребенокъ... Я правды ищу, правды, слышите ли! А гдѣ она?—У васъ въ консисторіи что ли?—въ синодѣ?—у исправниковъ?—у губернаторовъ?—Я Христовой правды ищу, а вы увѣщевать меня хотите!.. Раскольникъ я!.. Да не вы ли Христа раскольниковомъ сдѣлали!... Увѣщевать!—въ чемъ же?—что я сдѣлалъ?—кому зло учинилъ?—какое преступленіе совершилъ? — Развѣ то, что эту подлую, по-вашему, одежду на себя надѣлъ? — За это и исправникъ меня арестовалъ... А вы-то что тутъ, слуга Христовъ?—Вы тоже развѣ исправникъ?.. Развѣ Никодима приводили ко Христу съ солдатами?

Онъ снова остановился, точно его покинули силы. Архіерей въ смущеніи перебиралъ чотки.

— Чего же тебѣ надобно? спросилъ онъ въ нерѣшительности.

— Мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ Кравковъ упавшимъ голосомъ:—но вамъ-то что отъ меня нужно?—что нужно имъ?—за что они меня взяли, за что арестовали какъ убійцу?... Я одного только прошу—отпустите меня, не мучьте.

— Но ты покорись властямъ.

— Какимъ?

— Предержащимъ властямъ... Ему же убо урокъ урокъ, а ему же дань дань...

— Знаю, знаю... Дань-то особенно... Да я-то не податной — я дворянинъ... говорю это съ сожалѣніемъ...

— Все равно... власть... А ему же убо страхъ страхъ...

— Знаю, давно знаю!—Это Его-то святыя слова исказили—изъ евангелія сдѣлали уложеніе о наказаніяхъ... О, порожденія ехиднова!

Архіерей позвонилъ. Кравковъ вздрогнулъ и снова какъ бы опомнился.

— Отпустите меня, ваше преосвященство.

Въ кабинетъ съ низкимъ поклономъ вошелъ сѣдой монахъ.

— Отецъ экономъ, обратился къ нему архіерей:—проведи господина капитанъ-лейтенанта въ слѣдственную—впредь до особаго распоряженія.

— О, порожденія ехиднова! тихо бормоталъ Кравковъ, слѣдуя за отцомъ экономомъ.

VIII.

Передъ Шешковскимиъ.

Раннимъ утромъ, 13-го ноября 1784 года, въ Петербургъ, черезъ московскую заставу, въѣзжали сани-пошевни. По взмысленной и заиндевѣвшей тройкѣ, отъ которой паръ шелъ клубами, видно было, что ѣздоки торопили ямскихъ лошадей, и только, когда у шлахбаума подвязывали къ дугѣ колокольчикъ, усталымъ конямъ дали нѣсколько секундъ на передышку. Дѣло ѣздовыхъ было, повидимому, спѣшное.

Кто же были эти путники?—Тайной экспедиціи канцелярскій чиновникъ Григорьевъ съ «будущимъ», какъ значилось въ дорожной, на которой сверхъ того чернѣли три крупно написанныя магическія слова: «по высочайшему повелѣнію». Вотъ почему такъ взмыслены ямскія лошади и почему часовой такъ торопливо подвысилъ шлахбаумъ.

А кто былъ этотъ «будущій» безъ имени! — Конечно Кравковъ. Это онъ сидитъ закутанный въ нагольный арестантскій тулупъ и задумчиво глядитъ на выступающій изъ тумана Петербургъ.

«Вотъ и онъ опять — Вавилонъ новый. Захотѣлось Кравкову выглянуть изъ «прекрасной пустыни» на свѣтъ божій — ну вотъ и гляди, разглядывай, пока тебя изъ тюрьмы въ тюрьму будутъ перевозить».

Замелькали знакомыя петербургскія улицы, мосты, будки, часовые.

«Все-то прячутся, все-то стерегутъ кого-то, точно дикими звѣрями населенъ городъ. Нѣтъ—хуже чѣмъ звѣрями—благородными Чернышевскими, добрыми Шешковскими, Вяземскими».

Подъ визгъ полозьевъ, захватывавшихъ камни мостовой и рѣзавшихъ душу, Кравковъ, казалось, слышалъ, какъ Герасимушка Персидскій тянулъ свою тоскливую мелодію:

Оле бѣдствія на святой Руси,
Оле лютости по всей земли:
По глухимъ дебрямъ всѣ скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
Всюду бѣдніи утѣсняемся,
Изъ отечества изгоняемся.

«Ахъ, если бы можно было вонъ бѣжать изъ этого отечества, туда, къ фіолетовымъ волнамъ, подъ яркое солнце».

Сани остановились у крыльца большого съ колоннами дома.— Приѣхали!—Какъ-то холодно стало на сердцѣ у приѣхавшаго.

«Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка—говоритъ В. И. Ламанскій въ своемъ изслѣдованіи о Кравковѣ ¹⁾—русское образованное общество,

¹⁾ Памятники новой русской исторіи; томъ I.

къ лучшимъ представителямъ котораго, за исключеніемъ, быть можетъ, балахнинскаго исправника, принадлежали всѣ лица, такъ вдругъ единодушно заинтересовавшіяся личностью Кравкова, — это общество, по крайней мѣрѣ большинство образованнаго дворянства, не отличалось особенной преданностью церкви и православію, считало сотнями въ своихъ рядахъ ревностныхъ масоновъ, иллюминатовъ или усердныхъ поклонниковъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція. Ни въ Нижнемъ, ни въ Петербургѣ особенно, никого тогда не могло удивить, что какой-то русскій дворянинъ, отставной капитанъ-лейтенантъ, съ неуваженіемъ отзывается о русской церкви, не почитаетъ ни таинствъ ея, ни обрядовъ. Кошунство надъ вѣрою, насмѣшки надъ христіанствомъ были, въ то время у насъ до такой степени въ модѣ, что имъ предавались часто даже люди вѣрующіе, изъ боязни прослыть отсталыми. Въ рѣчахъ Кравкова, такъ вдругъ поразившихъ высокопоставленныхъ лицъ и въ Нижнемъ, и въ Петербургѣ, были высказаны тѣ вольныя мысли о церкви, которыхъ держались и они сами, и огромное множество ихъ друзей и знакомыхъ, и, наконецъ, нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ крестьянъ и купцовъ - раскольниковъ, которыхъ въ то время запрещено было преслѣдовать. Въ простыхъ словахъ Кравкова: «гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что хочетъ, то и думаетъ», выразились самыя невинныя и естественныя требованія каждаго свободнаго человѣка, самое первое правило начала свободы совѣсти, начала, торжественно провозглашенныя законодательствомъ того времени! Тѣмъ не менѣе, и Ребиндеру въ Нижнемъ, и высшимъ лицамъ въ Петербургѣ мысли Кравкова представляются «зловредными». Подобно балахнинскому исправнику (арестовавшему Кравкова), всѣ они одинаково были поражены не мыслями Кравкова, а тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ возвѣщалъ отставной капитанъ-лейтенантъ съ бородой, въ неподобной одеждѣ; что онъ, осуждая греко-россійскую церковь, ея таинства и обряды, въ то же время называлъ себя христіаниномъ, почиталъ Николая Чудотворца. Раскольника-крестьянина не арестовалъ бы и балахнинскій исправникъ; дворянина масона, деиста или атеиста, преспокойно оставили бы въ покоѣ, но дворянинъ раскольникъ былъ явленіемъ до такой степени страннымъ, что не могъ не возбудить къ себѣ сильнаго подозрѣнія и въ балахнинскомъ исправникѣ, и въ исправляющемъ должность генераль-губернатора, и въ князѣ Вяземскомъ, и въ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Всѣ они были изумлены этимъ случаемъ не только какъ лица правительственныя, представители государства, но и просто какъ люди образованные, представители русскаго общества второй половины XVIII вѣка».

Какъ бы то ни было, Кравкова въ тотъ же день представили предъ ясныя очи Степана Ивановича Шешковскаго.

Шешковскій — это была замѣчательная личность въ исторіи второй половины прошлаго вѣка. На памятникъ его, который доселѣ можно видѣть на кладбищѣ Александро-Невской лавры, въ сосѣдствѣ съ памятникомъ фонъ-Визина, сохранилась лаконическая эпитафія: «Служилъ отечеству 56 лѣтъ». Но какъ служилъ!— Должность его была скромная. Онъ титуловался только оберъ-секретаремъ тайной экспедиціи. Но Степана Ивановича боялись не только простые смертные, но даже первые чины имперіи... Попасть въ руки Степана Ивановича—это все равно, что попасть въ волчій капканъ. Подъ рукой, вельможи рассказывали, что Степанъ Ивановичъ такъ привыкъ дѣлать «обыски» и «допросы», что когда ему некого было обыскивать и допрашивать, то онъ обыскивалъ самого себя. Самъ онъ о себѣ говорилъ, что у него «восковое сердце», что злыми языками толковалось такъ, что онъ изъ своего сердца что хотѣлъ, то и дѣлалъ, но оно такъ же не чувствительно было къ чужому горю и къ чужимъ слезамъ, какъ простой кусокъ воску.

Шешковскій встрѣтилъ Кравкова извиненіемъ, что его, можетъ быть напрасно, побезпокоили; но что, по долгу службы, онъ просить господина капитана рассказать ему о себѣ все, «какъ отцу родному». Кравкову человѣкъ этотъ съ «восковымъ сердцемъ» казался добрякомъ, и, перемученный дорогою, разбитый нравственно, съ чувствомъ усталости въ душѣ, онъ дѣйствительно началъ говорить ему «какъ отцу родному». Упавшимъ голосомъ, часто останавливаясь, какъ бы переживая все то, что онъ говорилъ, Кравковъ дѣйствительно рассказалъ ему все, что намъ уже извѣстно—что довело его до рѣшимости порвать связи съ міромъ, глубоко опостылѣвшимъ ему. Рассказалъ и о своей неудачной женитьбѣ, о женѣ, которая надбавила горечи въ тотъ ковшъ горя, который ему пришлось испить.

— Впрочемъ—прибавилъ онъ съ горечью—напрасно я вамъ объ этомъ и сказываю: она, я думаю, уже давно замужемъ. Сказалъ я о ней для того только, что я твердо рѣшился удалиться отъ свѣта и отъ масоновъ, ибо и въ Пензѣ и во Владимірѣ — все масоны, да и графъ Воронцовъ самъ сказывалъ, что онъ масонъ: я де и Чернышова вашего поставилъ масономъ. Я рѣшился искать прямо христіанской жизни, и ушелъ изъ Пензы, продалъ свое платье, одѣлся въ это, и пошелъ въ раскольничьи скиты. Тамъ я и нашелъ людей, прямо живущихъ по закону божію.

Глаза Шешковскаго, ясные и прозрачные, какъ глаза невиннаго младенца, казалось, выражали сочувствіе къ арестанту, которому видимо надоѣло все то, что онъ долженъ былъ повторять въ десятый разъ, вовсе того не желая.

— Раскольничьи скиты, повторилъ Степанъ Ивановичъ мягко:— но вѣдь тамъ живутъ люди, не имѣющіе никакого просвѣщенія,

наполненные суевѣрствомъ и невѣжествомъ, и самые простые мужики. Кажется бы, по состоянію вашему, отнюдь не прилично по здравому разуму прилѣпляться къ такимъ простякамъ, забывъ свою честь, что вы почтены въ государствѣ.

Кравковъ слабо махнулъ рукой.

— Миѣ ни честь, ни достоинства не нужны, и пріятна ихъ жизнь и обряды въ богопочтеніи. Я почитаю—они основаны на истинѣ священнаго писанія, а посему я ихъ и считаю настоящими христіанами.

Глаза Степана Ивановича встрѣтились съ глазами, сидѣвшаго въ сторонѣ, у окна, какого-то старичка и что-то строчившаго. Старичекъ понялъ этотъ взглядъ и сталъ строчить еще усерднѣе.

— Но вѣдь эти люди, продолжалъ онъ еще болѣе мягко, наполнены суевѣрствомъ и невѣжествомъ, то кажется ни какъ не совмѣстно и не прилично вамъ быть въ ихъ сообществѣ, а надлежитъ, оставя такое заблужденіе, искать, по состоянію вашему, лучшей участи и уклониться отъ ихъ прелестнаго ученія.

Краковъ сдѣлалъ нетерпѣливый знакъ. Все это такъ ему надоѣло!—а этотъ еще повторяетъ одно и то же—«не совмѣстно, не прилично!»

— Я ничего не хочу! рванулся онъ было съ мѣста, но остановился.—Одинъ рабъ двумъ господамъ служить не можетъ... Бороды брить, другого платья носить и лучшей участи имѣть я не желаю, а только прошу отпустить меня за границу.

— За границу? Степанъ Ивановичъ насторожилъ уши.

— Да, за границу.

— Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Тамъ дѣла больше чѣмъ здѣсь.

Степанъ Ивановичъ опять глянулъ на строчащаго старичка, какъ бы говоря глазами: «строчи, строчи—ничего не моги пропустить».

— Гмъ—дѣла больше чѣмъ у насъ... А въ какомъ мѣстѣ?

— Ужъ я тамъ выберу себѣ мѣсто, какое Богъ назначитъ.

— Такъ-съ, отлично... А дѣлать-то что будете?

— Работать, читать...

— И читать?

— Да, и читать.

— А что бы такое, позвольте спросить?

— Философовъ, Руссо—да мало ли кого!

— Такъ, такъ, отлично—и философъ, и Руссо... Раскольники и Руссо—это что-то не вяжется, господинъ капитанъ-лейтенантъ... Суевѣрство..!

Кравковъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Что вамъ дались раскольники! замѣтилъ онъ. — Эти люди, живущіе въ лѣсахъ, какъ затравленные звѣри, упражняются въ богомоліи и въ трудахъ, да они-жъ бѣдные, и подати платятъ.

— А много ихъ тамъ? любопытствовалъ Степанъ Ивановичъ.

— Въ томъ скиту, отвѣчалъ Кравковъ,—гдѣ я былъ, живетъ человекъ сто-другое мужчинъ, да сотъ до пяти женщинъ, и старухи—всѣ трудятся въ работахъ, и подати платятъ.

— Да они и должны платить, возразилъ Шешковскій,—ибо они имѣютъ земли и промыслы.

— Да земля-то вѣдь божья, съ своей стороны возразилъ русскій социалистъ прошлаго вѣка:—а Богъ не велѣлъ никому никакого насилья дѣлать, ибо Онъ сотворилъ всѣхъ равными.

«Ого-го!» казалось, говорили глаза Степана Ивановича, обращенные къ пишущему старичку:—«слышите? Смекаете?—Это пугачовщиной пахнетъ»...

Но онъ этого не высказалъ, а сдѣлался еще любезнѣе.

— Ахъ, государь мой, началъ онъ снова:—какъ вамъ не стыдно, имѣвши чинъ, и притомъ штабъ-офицерской, быть такъ упряму противъ установленнаго въ государствѣ порядка и защищать такихъ людей, которые, живучи въ праздности, подъ видомъ ложной святости, стараются своими хитростями вовлечь людей въ свои пагубныя сѣти, что самое случилось и съ вами.

Терпѣніе Кравкова, наконецъ, лопнуло.. «Чего имъ отъ меня нужно? Что я имъ сдѣлалъ!» Онъ уже начиналъ чувствовать, что пропала его свобода, что паутина, въ которой онъ очутился, запутывала его все больше и больше... «Прощай свобода! прощайте, голубыя моря!»

— Такъ какъ же-съ, государь мой? стоялъ надъ душой страшный паукъ, въ образѣ «добраго друга».

— Какъ!—Да ежели я сдѣлалъ какое зло, съ отчаяньемъ заговорилъ арестантъ,—то въ вашей волѣ—можете меня мучить, бить, или живота лишить. Я на все готовъ. Только души у меня отнять никто не можетъ. Буде же хотите—судите меня воинскимъ судомъ. Хоть сжечь велите—только я отъ своего намѣренія не отступлю!

Степанъ Ивановичъ пожалъ плечами, какъ бы сожалѣя «оподлившагося» дворянина.

— Никто васъ мучить не будетъ, снисходительно замѣтилъ онъ,—да и нѣтъ нужды.

— Такъ что же вамъ отъ меня нужно?

Степанъ Ивановичъ какъ-то странно улыбнулся.

— Можно думать, сказалъ онъ, продолжая улыбаться,—что вы столь упорствуете для того, что васъ старички послали посланникомъ за нихъ пострадать и для того вамъ въ напутствіе дали образъ святителя Николая...

— Это благословеніе матери, нетерпѣливо перебилъ его Кравковъ.

— Положимъ... Но старички весьма ошиблись, продолжалъ болѣе серьезно Шешковскій:—нынѣ, по власти божіей и по милости всемилостивѣйшей государыни, наша вѣра христіанская соблюдается

отъ всѣхъ по самому евангелію и преданіямъ святыхъ отецъ. А люди эти, держащіеся стараго обряда, достойны сожалѣнія, ибо отчуждаются церкви Христовой по однимъ только обрядамъ. Впрочемъ, они также христіане, почему и васъ, кажется, мучить нужды не стоятъ не будетъ, а только требуется отъ васъ, по общимъ государственнымъ законамъ, повиновеніе, какъ отъ свѣдущаго по службѣ чловѣка и заслужившаго штабъ-офицерскій чинъ.

На всю эту рѣчь Кравковъ ничего не отвѣчалъ. Такъ опротивѣли ему эти казенныя, лицемерныя рѣчи людей, которые сами ни во что не вѣрили, даже въ чловѣческую честность.

— Какъ же, государь мой?

Кравковъ все молчитъ. Только губы его нервно вздрагиваютъ.

— А? — согласны, мой добрый другъ?

Опять молчаніе. Слышится только тяжелый сдержанный вздохъ.

— А? — скажите же, государь мой.

— Я уже болѣе говорить не буду, отвѣчалъ Кравковъ не поднимая головы. — Я все сказалъ... Отпустите меня за границу — вѣдь другихъ отпускаютъ.

— Конечно... только...

— Ну, а если нельзя — пошлите на каторгу, тамъ я буду работать, или отошлите въ острогъ — я и тамъ трудиться буду. А здѣсь я запертъ и живу въ праздности.

Шенковскій сталъ ходить по комнатамъ и что-то соображать.

— Хорошо, сказалъ онъ, а потомъ, обращаясь къ строчившему старичку, спросилъ: — готово?

— Готово-съ, ваше превосходительство.

— Литерально?

— Литерально-съ, ваше превосходительство.

Затѣмъ Шенковскій обратился опять къ Кравкову.

— Теперь неудобно ли вамъ, государь мой, руку приложить, указавъ онъ на бумагу, поданную ему старичкомъ.

— Къ чему! нетерпѣливо отвѣчалъ арестантъ.

— А къ вашимъ показаніямъ.

— Зачѣмъ это?

— Такъ заведено-съ — порядокъ, государь мой.

— Не стану я руку прикладывать! — Дѣлайте что хотите! — Я вѣдь ужъ забылъ и писать...

Кравковъ задыхался. Онъ видѣлъ, что его уже сдѣлали государственнымъ преступникомъ.

— Я не хочу писать! — не хочу самъ затыгивать свою петлю! повторялъ онъ, пятясь къ порогу: — я разучился писать!

— Полноте-съ... А Руссо, а философы?

— Пустите меня! — у васъ и говорить разучишься... Я совсѣмъ перестану говорить... Для васъ слово божье, рѣчь — и то уже преступленіе... Дѣлайте со мной что хотите!

— Такъ не подпишете?

— Нѣтъ!

— Напрасно-съ—только время сами затыгиваете... А впрочемъ— все равно... На этотъ разъ можете идти...

Онъ хлопнулъ въ ладоши. Въ дверяхъ показались солдаты съ ружьями.

— Проводите господина капитанъ-лейтенанта... До свиданья, государь мой... Подумайте на свободѣ.

Кравковъ выпнелъ, не произнеся болѣе ни одного слова.

Онъ сдержалъ слово, данное Шешковскому: до 11-го генваря 1785 года онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ не говорилъ даже съ караульными солдатами. Онъ сдѣлался молчальникомъ. «Слово, рѣчь—уже и это преступленіе»...

11 генваря, Кравковъ заговорилъ вотъ по какому случаю. Въ этотъ день у князя Вяземскаго былъ парадный обѣдъ по поводу одной радости, выпавшей на долю князя наканунѣ. 10-го генваря, Вяземскій, по должности генераль-прокурора, докладывалъ императрицѣ вѣдомость о политическихъ преступникахъ, содержащихся въ крѣпостяхъ.

— А что дворянинъ-старовѣръ Кравковъ? спросила Екатерина.

— Продолжаетъ упорствовать, ваше величество.

— Какъ упорствовать?

— Все молчить, государыня.

— То-есть—какъ же молчить?

— Не произносить ни единого слова вотъ уже который мѣсяцъ: ни на допросы не отвѣчаетъ, ни даже съ караульными не говорить.

— Какъ же?—съ чего же это?

— Да послѣ перваго допроса, ваше величество: — велѣли ему руку приложить къ его показаніямъ, такъ не захотѣлъ—уперся—говорить: «совсѣмъ перестану говорить, ибо-де у насъ, въ Россіи, простое слово божіе, рѣчь—и то уже преступленіе».

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ, государыня.

Краска не то негодованія, не то стыда, такъ и залила все лицо Екатерины.

— Каково!.. это все вы своимъ неумѣньемъ обращаться съ преступниками, своєю жестокостью доводите ихъ до того, что они говорятъ—и въ правѣ говорить, что въ Россіи—простое слово божіе, рѣчь—и то уже преступленіе!.. А!—что скажутъ обо мнѣ въ Европѣ!—что я людоѣдка?—что мнѣ мои подданные боятся говорить правду?.. Какая-де въ Россіи свобода!—только на словахъ...

Князь Вяземскій стоялъ блѣдный, потерянный. Храповицкій, присутствовавшій тутъ же, весь красный, утиралъ фуляромъ потъ, каплями выступавшій на лбу, на щекахъ и даже подъ косою.

— Что-жъ вы ихъ—пытаете что-ли! продолжала императрица:— морите голодомъ? — И это въ мое-то царствованіе, когда я торжественно, передъ всей Европой, провозгласила уничтоженіе пытокъ, всякихъ насилій надъ подданными, даже преступными! когда я хочу только милости и милости! — когда я хочу быть только ихъ матерью!.. А!—слово въ Россіи—преступленіе! И это говоритъ не мужикъ, а просвѣщенный человекъ, выдавшій Европу! — Вотъ до чего вы довели моихъ подданныхъ вашею жестокостью...

Совсѣмъ уничтоженный, князь Вяземскій умолялъ объ отставкѣ... Храповицкій, нагнувшись надъ какою-то бумагою, которую онъ переписывалъ, весь смущенный, прикладывалъ къ этой бумагѣ футляръ, сляясь что-то вытереть.

При видѣ его смѣшной фигуры, императрица вдругъ улыбнулась.

— Что закапалъ потомъ «Обманщика»?

— Ненарокомъ, ваше величество,—простите, бормоталъ онъ:— вспотѣлъ нечаянно.

— Самъ же переписнешь...

— Перепису, государыня,—вспотѣлъ...

— Вспотѣлъ въ чужой банѣ.

Гнѣвъ императрицы окончательно прошелъ. Она взглянула на Вяземскаго.

— Ты просишь отставки?

— Не гожусь я, ваше императорское величество,—увольте — негожусь.

Екатерина милостиво положила ему на плечо руку.

— Только ты одинъ и годишься, ласково пояснила она: — ни изъ князей Голицыныхъ, ни изъ Долгоруковыхъ нельзя сдѣлать генераль-прокурора. А ты—мой ученикъ, я тебя сама формировала, и сколько я за тебя выдержала: — всѣ называли тебя дуракомъ¹⁾.

Вяземскій, упавъ на колѣни, цѣловалъ край платья императрицы и плакалъ.

— Матушка!.. великая, великая! бормоталъ онъ безсвязно.

Эта-то неожиданная нахлобучка, а потомъ милостивое признаніе, что онъ не дуракъ, дало Вяземскому поводъ устроить званый обѣдъ для друзей. А такъ-какъ причиною нахлобучки былъ Кравковъ, то генераль-прокуроръ въ тотъ же день рѣшился быть какъ можно мягче и снисходительнѣе къ своимъ арестантамъ, а въ особенности къ Кравкову. 11-го же генваря онъ велѣлъ отнести своему арестанту обѣдъ со своего стола. Этотъ-то обѣдъ и вставилъ Кравкова говорить. Узнавъ, что это обѣдъ отъ Вяземскаго и вспоминая, сколько времени они его мучаютъ напрасно, Кравковъ не могъ

¹⁾ «Дневн. Храповицк.» изд. Барсукова, стр. 4, 279, 323.

подавить припадка вспышки и сказать караульнымъ принесшимъ обѣдъ: «отдайте его собакамъ».

Вечеромъ, когда ему принесли и ужинъ съ княжескаго стола, послѣдовала та же исторія. Этотъ княжескій ужинъ Кравковъ выбросилъ въ тотъ сосудъ, который арестанты называютъ «чиганашкой».

— Скажите Шешковскому, обратится онъ при этомъ къ караульнымъ:—если со мною ничего не сдѣлаютъ и станутъ меня еще здѣсь держать, то вѣдь руки у меня не скованы,—я самъ чтонибудь надъ собою сдѣлаю.

Это такъ напугало Вяземскаго, что онъ тотчасъ же поскакалъ къ митрополиту Гавріилу.

— Ваше высокопреосвященство! помогите, молилъ онъ митрополита.

— Въ чемъ дѣло, сіятельнѣйшій князь?

— Государыня думаетъ, что я жестоко обращаюсь съ моими арестантами и не умѣю ихъ направить на путь истины. А мнѣ вотъ на шею посадили раскольника дворянина, такого, что Вольтера да Руссо читаетъ и въ скитахъ жилъ. Какъ мнѣ съ нимъ сладить насчетъ вѣры!—Позвольте мнѣ его къ вамъ прислать, ваше высокопреосвященство.

— Хорошо, пришлите.

IX.

Передъ княземъ Вяземскимъ.

Въ чемъ состояло объясненіе митрополита съ Кравковымъ, какъ они поняли другъ друга—изъ дѣла неизвѣстно. Но несомнѣнно, что митрополитъ не возбудилъ въ странномъ раскольникѣ того глубокаго презрѣнія, какое возбудили въ немъ и архіерей нижегородскій, и Ребиндеръ, и Шешковскій, и Вяземскій. Оно и не удивительно: митрополитъ Гавріилъ былъ умнѣе всѣхъ ихъ и болѣе всѣхъ понималъ душу человѣческую. Не даромъ Екатерина особенно уважала этого іерарха, посвятила ему даже своего «Велисарія» и всегда называла его «мужемъ острымъ и резонабельнымъ». Этотъ же митрополитъ, глубоко возмущаясь стариннымъ обычаемъ, въ силу котораго провинившихся священниковъ сѣкли какъ Сидорову козу, исходатайствовалъ у правительства указъ объ уничтоженіи этого гнуснаго обычая-закона.

Какъ отнесся митрополитъ къ возрѣніямъ Кравкова, можно отчасти судить по письму его къ князю Вяземскому, по поводу того же Кравкова.

«Сіятельнѣйшій князь Александръ Алексѣевичъ, милостивый государь!—писалъ онъ.—Присланный отъ вашего сіятельства ко мнѣ флота капитанъ 2-го ранга Евдокимъ Кравковъ многократно былъ увѣщиваемъ, но остался въ прежнихъ мысляхъ. Онъ приверженъ къ толку старообрядцевъ, называемому поповщиною, но при всей той приверженности имѣетъ мнѣнія и раскольниками нетерпимыя. Его отзывы и разсужденія показываютъ человѣка разстроенныхъ мыслей. А какъ въ такое состояніе приведенъ онъ печальными обстоятельствами и причиною того почитаетъ другихъ, то происшедшее отъ сего въ немъ негодованіе производитъ недовѣрчивость, отвращеніе и упорство. Исправить его, кромѣ снисхожденія, не можно. Онъ чрезъ время, увидѣвши не то, что нынѣ заключаетъ, можетъ смягчиться въ своемъ упорствѣ. Я его съ симъ къ вашему сіятельству препровождаю».

«Снисхожденіе», только «снисхожденіе». Но этого государственные умники никакъ не могли понять. Имъ хотѣлось непременно переубѣдить человѣка, который былъ умнѣе ихъ и притомъ же доведенъ до крайняго нервнаго возбужденія, благодаря все тѣмъ же умникамъ.

— Что дворянинъ-старовѣръ? снова спросила императрица Вяземскаго черезъ нѣсколько дней.

— Послѣ увѣщанія митрополита, ваше величество, спокойнѣе сталъ.

— А касательно мыслей?

— Упорствуетъ, государыня.

— А что митрополитъ сказалъ?

— Митрополитъ, государыня, пишетъ, что исправить его, кромѣ снисхожденія, ничѣмъ не можно.

— Снисхожденіе! живо заговорила императрица:—слышите что говорить умный человѣкъ?—а? слышите?

И Вяземскій, и Храповицкій, тутъ же занимавшійся «перлюстраціей», вытянулись.

— Точно, государыня, процѣдилъ первый.

— Снисхожденіе... милость, поддакивалъ второй.

— Да—милость—только милость, а не строгость править міромъ, горячо сказала императрица:—вспомните—неразумный сынъ премудраго и милостиваго Соломона чрезъ свою строгость царства лишился.. Это зато, что онъ наказывалъ подданныхъ скорціями..

— А князь кормитъ Кравкова устрицами, матушка.

Екатерина невольно улыбнулась. Это говорилъ Нарышкинъ Левъ, показавшись на порогѣ внутреннихъ покоевъ. На плечѣ у него было полотенце.

— Устрицами?

— Точно, матушка.

— Не устрицами, государыня, а точно отъ своего стола посылашь, оправдывался Вяземскій.

Императрица замѣтила полотенце на плечѣ у своего друга «Левушки».

— Это что у тебя за полотенце? улыбнулась она.

— Да вотъ покой твой убиралъ, матушка, невозмутимо отвѣчалъ Нарышкинъ.

— А Захаръ что же?

— Не хочетъ.

— Какъ не хочетъ!

— Такъ и не хочетъ—сердится на тебя, матушка.

— За что еще?

— Да говорить—государыня всю прислугу избаловала:—сама изволить печи топить, а прислуга дрыхнетъ... Такъ, говорить, житья не будетъ во дворцѣ.

Екатерина засмѣялась.

— Это правда—я немножко виновата передъ Захаромъ:—сегодня утромъ я проснулась раньше обыкновеннаго—дѣла было много и показалось мнѣ холодно... Я пожалѣла прислугу—и не разбудила, да сама и растопила дрова... Нечего дѣлать—надо просить прощенія у Захара Константиновича.

Императрица видимо была довольна этой невинной, но ловкой шуткой своего «Левушки». Этотъ «Левушка» при помощи своихъ дурачествъ умѣлъ необыкновенно искусно льстить. Хитрый царедворецъ, прикидывавшійся повѣсой, больше всѣхъ зналъ слабость императрицы къ популярности—и всегда умѣлъ ловко угодить этой слабости. Онъ такъ поступилъ и въ данномъ случаѣ: рѣчь шла о снисхожденіи, о милости, объ умѣ и добротѣ Соломона; «Левушка» все это слышалъ изъ сосѣдней комнаты—и явился съ полотенцемъ на плечѣ, чтобъ «насмѣшить свою матушку»...

— Такъ устрицами, князь, кормишь Кравкова, а не скорпіями? продолжала шутить матушка.

— Стараюсь, государыня.

И онъ дѣйствительно постарался.

Въ тотъ же день онъ велѣлъ привести Кравкова въ присутствіе тайной экспедиціи, гдѣ, конечно, былъ и неизбѣжный Шешковскій. Послѣдній былъ не въ духѣ, узнавъ, что императрица не одобряетъ ихъ жестокаго обращенія съ арестантами.

«Сама печи топить, прислугу жалѣючи, а мы вонъ якобы мучимъ нашихъ молодцовъ, бормоталъ онъ, расхаживая маленькими шажками по присутствію:—что жъ намъ ручки что-ли у нихъ цѣловать, когда они упорствуютъ?.. Устрицами Кравкова кормишь, скорпіями... Да онъ, подлець, и стоитъ скорпиевъ—эдакій камень... Устрицами... А все этотъ Левка наушникъ—все онъ переноситъ, шпынь проклятый... Совсѣмъ избаловали арестантовъ:—пытать,

слышь, не могли... Да чѣмъ его, подлеца, кромѣ дыбы проймешь?— Эхъ то-то времячко было, то-то лафа была Андрею Иванычу Упакову, когда у него подъ руками и застѣнокъ, и дыбушка-матушка, и эдакія разныя плеточки—сразу все выпытають... А мы вотъ въ сухомъятку допрашивай—не смѣй и посѣчь»...

Вошелъ Кравковъ. Онъ много измѣнился за послѣднее время, постарѣлъ, посѣдѣлъ, хотъ ему едва только минуло сорокъ лѣтъ.

— А! Господишь капитанъ-лейтенантъ: сколько лѣтъ, сколько зимъ! дружески подошелъ къ нему Степанъ Ивановичъ.

— Какъ ваше здоровье, господинъ капитанъ? спросилъ Вяземскій, кивая головой:—сама всемиловѣйшая государыня интересуется вашимъ дѣломъ.

— Благодарю—я здоровъ, былъ короткій отвѣтъ.

— Очень радъ... Ну, а какъ на счетъ вашего рѣшенія?

— Какого рѣшенія?

— На счетъ то-есть мыслей въ разсужденіи религіи?

— Мои мысли на этотъ счетъ извѣстны его высокопреосвященству.

— Все это такъ-съ... Это высокопреосвященство, конечно, смотритъ со стороны догматики, а мы—согласитесь—должны относиться къ дѣлу съ государственной точки зрѣнія.

— Со стороны такъ сказать цивильной, пояснилъ Шешковскій.

— И шляхетской, добавилъ князь Вяземскій.

— Въ разсужденіи бороды и платья, еще яснѣе опредѣлилъ Шешковскій.

— А также и въ разсужденіи раскола.

Кравковъ молчалъ.

— Какъ же, капитанъ? — не бросили вы вашихъ бредней? не вытерпѣлъ Шешковскій.

— Какихъ бредней? спросилъ Кравковъ.

— Ахъ, капитанъ! да неужели вы сами не понимаете, сколь для васъ постыдно, заслуживши чинъ штабъ-офицерской, войти въ такое заблужденіе, которому слѣдуютъ люди, не имѣвшіе никогда никакого просвѣщенія, удалиться отъ общества и тѣмъ паче оставить святую церковь, всѣ ея преданія, и вѣрить такимъ людямъ, которые не только никакого понятія, въ чемъ они сомнѣваются, не имѣютъ, но что и сами, по глупости своей, истинно полагаютъ, то и тому правдоподобнаго доказательства дать не могутъ.

— Но вѣдь я же это слышалъ!—Что вамъ до меня!

— Намъ васъ жаль.

— Такъ отпустите меня.

— Куда?—въ скиты?

— Да хотъ гдѣ-нибудь дайте спокойно умереть.

— Зачѣмъ умирать?

— Ну, уйти отъ всѣхъ, отъ этой горькой жизни — забыться...

— Чтожь! если вы хотите посвятить себя на службу Богу и удалиться отъ суеты..

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но смолчалъ.

— Что жь!—вы можете избрать мѣсто, по желанію вашему, въ монастырѣ, гдѣ быть вамъ не только не постыдно, но и полезно бы было для васъ, и притомъ, надѣюсь, на сіе бы и всемилостивѣйшая государыня изъявить изволила свое благоволеніе.

Говоря это, князь Вяземскій невольно вспомнилъ: «а всѣ тебя считали дуракомъ.. кто же это всѣ? а?—ужь не Левка ли Нарышкинъ наушникъ, шпынь и лстець»...

— Ну такъ какъ же? снова обратился онъ къ арестанту.

— Устрицы.. все только устрицы.. скорпіи бы, пробормоталъ про себя Шепковскій:—ахъ Андрей Иванычъ!..

Вяземскій старался не слышать его словъ; онъ рѣшился до конца быть мягкимъ.

— А?—что же вы на это скажете, мой другъ?—въ разсужденіи монастыря..

— Помилуйте! не выдержалъ арестантъ:—что вамъ до меня за нужда!—Богъ насильно никого къ спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись... Что вамъ до меня?—Какъ я о величїи божїи мыслю и ищю спасенія—знать никто не можетъ.

«Ахъ! — думалъ онъ при этомъ:—какъ умнѣе всѣхъ ихъ Никита Петровичъ — простой мужикъ... А вѣдь эти государствомъ правятъ».

— Зачѣмъ вы хотите меня непременно въ монастырь засадить?

— Не мы—продолжалъ пилить Вяземскій, стараясь оправдать довѣріе государыни, что онъ не дуракъ: — не мы, но самъ Богъ, чрезъ посредство постановленныхъ пастырей церкви Христовой, которымъ Онъ ввѣрилъ самъ, по словеси своему, пасти стадо, призываетъ васъ къ истинному богопознанію. Положимъ, что вы конечно вѣруете въ Бога, чаете себѣ спасенія, но равнымъ образомъ и всякій христіанинъ того же желаетъ и ищетъ того по своему состоянію. Всякій исполняетъ всѣ обяванности, налагаемыя закономъ и вѣрою, и церковь святую почитаетъ матерью своею, всѣ ея преданія, установленныя отъ Христа, и преданія святыхъ отецъ по возможности исполняетъ; а вы совсѣмъ отчуждились отъ церкви и ее оставили. Повѣрьте, если бы сіе не было прискорбно и вы не были бы достойны сожалѣнія въ разсужденіи такихъ странныхъ кроющихся въ васъ воображеній, то конечно бы по напрасну не стали бы принуждать васъ къ присоединенію къ церкви Христовой, страшась, дабы не отдать отвѣта Богу, что объ васъ не старались или мало о обращеніи вашемъ попеченія имѣли, тѣмъ болѣе что и всемилостивѣйшей государынѣ весьма сіе угодно, ибо она, аки мать, о чадахъ своихъ печется, но видитъ своего подданнаго,

падшаго въ такое заблужденіе. И для того мы (онъ взглянулъ на Шешковскаго, который нетерпѣливо шуршалъ бумагой) — мы, будучи обязаны вѣрностію къ самодержицѣ своей, должны о васъ имѣть сожалѣніе и, сколь возможно, привести къ познанію истины.

Вся эта проповѣдь, дышущая грубѣйшимъ матеріализмомъ, — полная кощунства надъ вѣрою и ученіемъ евангельскимъ, терзала и мучила Кравкова, стоила ему всякой пытки.

Онъ глубоко поникъ головою. Упавшія на колѣни руки сжались съ такою силою, что кости хрустнули.

— Такъ какъ же? — ясны для васъ мои доводы? продолжалъ пилить Вяземскій.

Кравковъ всталъ, но голова его оставалась опущенною на грудь.

— Я родился во тьмѣ — тихо сказалъ онъ — хочу такъ же и умереть... Я не знаю, что кому нужды имѣть обо мнѣ попеченіе... Я ни отъ кого ничего не требую и не желаю, ни о чемъ никого не просилъ и не прошу... Если же я сдѣлалъ что противное закону, то вы вольны меня разжаловать, наказать по законамъ и хотя лишитъ жизни.

— Зачѣмъ же! помилуйте!

Кравковъ махнулъ рукой и быстро вышелъ изъ присутствія.

«Трудно иногда представить себѣ — говорить по этому случаю г. Ламанскій — до какого уродства и безобразія способны доходить люди въ своемъ безвѣрїи и индеферентизмѣ, когда по какимъ нибудь внѣшнимъ расчетамъ и соображеніямъ считаютъ себя призванными являться защитниками вѣры, христіанства, ученія любви и свободы, не только не нуждающагося въ ихъ покровительствѣ, но еще оскверняемаго ими въ своей святынѣ! Кто хлопочетъ объ обращеніи Кравкова? Князь Вяземскій, низкой души человекъ, нечестный гражданинъ, грязный въ своей семейной жизни! О нравственности и крѣпости христіанскихъ убѣжденій Шешковскаго и другихъ нечего и упоминать».

Х.

«Матерняя революція».

Послѣ этихъ неудачныхъ увѣщаній, Кравкова оставили на время въ покоѣ. Дни проходили за днями, а ни къ нему никто изъ властей не заглядывалъ, ни къ себѣ его не призывали. Казалось, что объ немъ всѣ забыли. Но тѣмъ сильнѣе въ немъ заговорила память прошлаго.

О томъ, далекомъ, свѣтломъ прошломъ, когда передъ нимъ заманчивой панорамой разстилалось таинственное, но полное иллю-

вѣдѣ будущее, когда во власти его, казалось, находились цѣлыя моря и океаны съ невѣдомыми странами и народами, когда онъ самъ бороздилъ эти моря и рвался въ новыя, невиданныя страны и когда впереди, среди этихъ грезъ и дѣйствительности, вставалъ свѣтлый образъ навѣки погибшаго друга, — объ этомъ далекомъ прошломъ онъ даже и не вспоминалъ, потому что не могъ реально представить его себѣ. Ему теперь казалось, что этой полосы въ его жизни совсѣмъ даже не было, что все это пронеслось въ волшебномъ снѣ, въ молодыхъ грезахъ. Онъ даже не могъ теперь представить себя тѣмъ Кравковымъ, какимъ онъ былъ когда-то въ этихъ разлетѣвшихся грезахъ, въ этихъ «соняхъ», пробужденіе отъ которыхъ было такое страшное. Развѣ это онъ, вотъ этотъ одинокій Кравковъ, шлылъ тогда на фрегатѣ отъ кавказскаго берега къ Крыму, къ Кафѣ, и рассказывалъ молодымъ офицерамъ Павлюку и Шастову о своихъ далекихъ плаваніяхъ? Да развѣ это онъ плавалъ? — Развѣ онъ восторженно молился сѣдому океану и плакалъ отъ умиленія?.. Нѣтъ, это былъ кто-то другой, а не онъ... Да, этого прошлаго не было — оно было только во снѣ... И та, когда-то свѣжая, а теперь уже почти забытая могила на берегу Оки, и та, которая лежала въ этой могилѣ, и ея соломенная шляпка на столѣ, и одна перчатка, и то послѣднее письмо — «отдай мнѣ его, сине море», — все это было во снѣ...

Но у него осталось еще и другое прошлое, близкое — и вотъ объ немъ онъ теперь вспоминалъ какъ о чемъ-то недосыгаемомъ.

Обширная луговая поляна залита лучами утренняго солнца. Съ одной стороны ее окаймляетъ зеленый лѣсъ, звенящій голосами птицъ, съ другой — ровные, плоскіе берега Иргиза, а дальше — безконечная степь, что раскинулась вширь отъ Волги вплоть до Яика-Урала. Изъ-за лѣсу блеститъ на солнцѣ золоченый крестъ скитской церкви. Въ прозрачной синевѣ кружатся голуби. А здѣсь, на полянѣ, кипитъ работа. Отъ самаго лѣсу вытянулся строй косарей, человекъ до ста, и, широко размахивая косами, эта длинная лава косцовъ медленно двигается впередъ, шаркая острыми косами по зеленой травѣ, убранный всевозможными цвѣтами. Высокая, сочная трава такъ и разстилается, такъ и падаетъ ницъ передъ этими витязями. А витязи эти — скитскіе «старцы» — косари, большею частью народъ молодой, здоровый. А противъ этой длинной лавы «старцевъ» идетъ другая, еще болѣе длинная лава «старницъ» — все это бабы молодая, сильные. «Старицы» идутъ лавою косцовъ въ двѣсти. Косы сверкаютъ на солнцѣ какъ алмазныя полосы.

— Вонъ какъ старица Платонида забираетъ впереди всѣхъ, словно лебедь плыветъ.

— Ужъ и мастерица же косить! двухъ мужиковъ за поясъ заткнетъ.

— Вонъ какую широкую полосу гонить — богатырь старица!

— Одно слово, по писанію—«широковидная».

— Да и сестра Вириная шибко рѣжетъ.

— А нашъ - отъ старецъ Вавила, гляньте, какимъ козыремъ идетъ.

— Словно Самсонъ на филистимлянъ.

Обѣ лавы косарей все ближе и ближе сдвигаются. Уже небольшая полоса нескошенной травы раздѣляетъ мужскую лаву отъ женской. Сестра Платонида и старецъ Вавила первые прорѣзали свои полосы до конца, и остановились, красные, разгорѣвшіеся.

— Богъ въ помощь, матушка Платонидушка.

— Спасибо на божьемъ словѣ, Вавилушка братецъ.

Косцы вынимаютъ изъ-за голенищъ деревянныя лопатки и шаркаютъ ими о притупившіяся косы. Наближаются и другіе косцы—лава къ лавѣ.

А Кравковъ вмѣстѣ съ Герасимушкой и Саватѣюшкою Персидскими идутъ за лавами косцовъ и собираютъ въ плетешки перепелиныя яйца: послѣ скошенной травы перепелиныя гнѣзда открываются то тамъ, то здѣсь, и Кравковъ съ своими молодыми друзьями собираетъ сѣренькія, пятнистыя яички, потому что все равно ихъ сороки повышываютъ. Вонъ они, долгохвостыя, такъ и вьются надъ скошенными полосами, ища легкой добычи. А изъ этихъ перепелиныхъ яичекъ какія вкусныя яичницы готовятъ въ скитахъ!

Первая полоса скошена. Косы притупились. Косцы собираются у «стана» и, усѣвшись кругами на землѣ, начинаютъ «отбивать» небольшими молотками, на такихъ же небольшихъ наковальняхъ притупившіяся лезвья косъ. Звонъ раздается по всей полянѣ, и эхо его повторяется въ лѣсу по ту сторону Иргива.

Передохнувъ, идутъ косить вторую полосу. А тамъ, вскорѣ и копны готовы—вся поляна такъ и усѣяна копнами. Тутъ ужъ «копнить» сѣно—это бабѣ дѣло: на такое дѣло сестры большія мастерицы.

А тамъ, глядишь, и ржи и пшеницы стали созрѣвать. Новая работа всему скитскому населенію, и такъ почти круглый годъ: уборка, молотба, помолы на скитской мельницѣ. А тутъ же и возка арбузовъ и дынь съ бахчей, соленье и квашенье тѣхъ и другихъ на зиму... Горы огурцовъ, капусты...

Проходитъ лѣто. Наступаютъ осенніе заморозки — «звонкая осень», когда шибко укатанная и промерзшая дорога звенить на зарѣ подъ кованными колесами. Но снѣгу еще нѣтъ, ибо заволжская осень суха и ясна. Озеро уже подернуто тонкимъ, прозрачнымъ какъ стекло льдомъ. Ледъ дѣлается все толще и толще. Раннимъ утромъ Кравковъ отправляется съ юными Персидскими «глушить» рыбу по замерзшимъ берегамъ Калача, особенно по ту сторону озера, въ приглубыхъ заливахъ и въ длинныхъ «буткахъ»,

по берегамъ поросшихъ рѣзучею осокою. Въ рукахъ у нихъ «чекмари»—длиныя палки съ круглыми въ кулакѣ наконечниками изъ корня того же дерева, изъ котораго сдѣланъ «чекмарь». Ледъ такъ еще тонокъ, что Кравковъ и его юные друзья ложатся на животы и ползкомъ перебираются на ту сторону Калача. Сквозь прозрачный ледъ видно далеко въ глубину—вода какъ хрусталь чиста: въ глубинѣ видны плавающія рыбы. По мѣрѣ движенія охотниковъ по льду, онъ гнется, трещить—вотъ-вотъ проломится; но они ползутъ осторожно. Вотъ они и перепоплыли—идутъ вдоль берега. Здѣсь вода еще прозрачнѣе. Видно дно озера какъ на ладони—и пріютившаяся подъ водою травка, и, заснувшая на зиму, зеленая лягушка, уткнувшаяся носомъ въ какую-нибудь ямочку. Они идутъ тихо, чуть скользятъ по зеркальной поверхности. Вонъ подбилась къ подводной травкѣ щука и стоитъ неподвижно, только гибкій хвостъ ея немногѣ шевелится. Кравковъ поднимаетъ высоко надъ головою «чекмарь» и со всего размаху бьетъ имъ по льду какъ разъ противъ головы щуки. Ударъ оглушаетъ ее—она вертится на мѣстѣ. Еще ударъ, и еще—и хищная рыба опрокидывается пластомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ ударили «чекмаремъ», во льду образовалась чудная, всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ звѣзда. Кравковъ еще сильнѣе бьетъ по льду «чекмаремъ»—и ледъ пробить. Въ отверстіе засовывается рука—и щука вытаскивается на поверхность. А тамъ Герасимушка «глушитъ» огромнаго карася, Саватѣюшка ни какъ не можетъ заглушить жирнаго линя.

Слышно, какъ на току молотить братія—и старцы и здоровыя старицы: далеко разносятся въ утреннемъ воздухѣ звонкіе удары цѣповъ объ промерзшую, гладкую какъ ровная доска токовину. Въ лѣсу звучатъ топоры объ замерзшія деревья—это братія готовятъ дрова на обитель. Все работаетъ—и работаетъ не по принужденію, а изъ любви, по охотѣ, и потому во всемъ довольство, обиліе.

Гулко въ морозномъ воздухѣ раздаются удары въ скитское било—это святой отецъ, Никита Петровичъ, созываетъ въ обитель свою братію, старцевъ и старицъ, труждающихся и обремененныхъ:—это значитъ, что настала часъ общественной трапезы. Всѣ сходятся въ просторную избу и садятся за огромные столы, а служки, молодые послушники, разносятъ по столамъ яства, а во время трапезы кто-либо изъ братіи, которые грамотные, читаютъ по очереди то евангеліе, то дѣянія апостольскія, то житіе святыхъ, либо другое что божественное.

Такъ вспоминалъ Кравковъ скитскую жизнь, сидя въ своемъ одиночествѣ и не зная, что въ эти самые часы рѣшается навсегда его участь.

Въ кабинетѣ императрицы идетъ докладъ. Екатерина, нѣсколько откинувшись на спинку кресла и поглаживая рукой перламутровый разрѣзной ножъ, слушаетъ докладъ Вяземскаго и поглядываетъ

ваетъ иногда на Храповицкаго, который за отдѣльнымъ столомъ углубился въ какіе-то корректурные листы. У окна Левъ Александровичъ Нарышкинъ тихонько дразнить попугая, просовывая къ нему въ клѣтку кончикъ носового платка.

«Онъ, Кравковъ (читаетъ Вяземскій), какъ человѣкъ противъ званія своего дѣлаетъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ не только соблазнъ, но самымъ своимъ ложнымъ мнѣніемъ развращаетъ и другихъ, отторгнувшись отъ святой церкви и наставленіемъ неправомыслящихъ невѣждъ, избралъ лучшее сожитіе съ тѣми невѣждами, нежели въ обществѣ людей, законами и вѣрою охраняемыхъ, такъ что никакія увѣщанія духовной и мірской власти о повиновеніи церкви и установленнымъ государственнымъ законамъ воздѣйствовать въ немъ не могли, за что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ, Кравковъ, жестокому наказанію»...

Замѣтивъ, что при послѣднихъ словахъ императрица какъ-будто поморщилась, докладчикъ въ нерѣшительности остановился.

— Наказанію, да еще жестокому, сказала она, глядя на Вяземскаго:—не люблю я этихъ словъ.

— Эти слова изъ закона, ваше величество, оправдывался докладчикъ.

— И въ законѣ такихъ словъ не должно быть: — жестокость, наказаніе...

— И скорпіи, матушка, вкинулъ свое слово «Левушка», ударивъ попугая по носу.

— Именно скорпіи... Я не хочу быть похожею на Ровоама.

— А Соломона, матушка, ты превзошла, продолжалъ хитрый «Левушка».

— Ну, Левъ Александровичъ, — ужь ты не въ мѣру льстишь мнѣ, замѣтила императрица.

— Нѣтъ, государыня, — никогда я вамъ не льстилъ, а всегда говорилъ сущую правду... Будь на вашемъ мѣстѣ Соломонъ и приди къ нему княгиня Дашкова съ моимъ братцемъ, какъ тѣ двѣ матери съ ребенкомъ...

Екатерина разсмѣялась.

— А вѣдь ты правъ:—она бы Соломона въ гробъ вогнала.

Въ это время къ столу въ нерѣшительности приблизился Храповицкій.

— Ты что, Александръ Васильевичъ? спросили его.

— Вотъ тутъ, ваше величество, княгиня...

— Опять княгиня!—Дашкова?

— Такъ точно, государыня.

— Что же она?

— Вотъ тутъ, въ корректурѣ «Обманщика»,—княгиня сдѣлала маленькую поправочку въ словѣ.

— Какую же?

— Слово это замѣнила словомъ сіе.

— Оставь это... На правда ли, Левъ Александровичъ, это болѣе порусски чѣмъ сіе.

— Правда, матушка, развѣ не смѣшно было бы сказать: сей попугай большой разбойникъ?

— Вѣрно, вѣрно...

— А сія княгиня—сіе какъ-то возвышеннѣе...

— Ахъ ты, шпынь... Ну, продолжай, обратилась она къ Вяземскому.

— Слушаю-сь.

— И я слушаю.

— «За что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ Бравковъ»...

Вяземскій остановился.

— Только не жестокому наказанію, повторила Екатерина: — напиши тяжкому осужденію.

— Слушаю-сь... «тяжкому осужденію: но поелику довольно изъ собственныхъ его изрѣченій да и по существу самыхъ его дѣяній видно, что въ сіе заблужденіе впасть и столь упорно настоять по всѣенному въ него отъ вышешисанныхъ невѣждъ суевѣрію, которое онъ, по слабости разсудка своего, мнитъ быть истиннымъ, а сіе самое и ввергло его въ совершенную фанатизму»...

— Да, да, соглашалась императрица: — фанатизма — это дѣло серьезное и фанатики — люди опасные... Ну, продолжай.

... «ввергло его въ совершенную фанатизму—съ удовольствіемъ на лицѣ повторилъ генераль-прокуроръ эту фразу — или лучше сказать, что лишенъ онъ конечно здраваго разсудка. Почему, а болѣе подражая матернему ея величества челоуѣколюбію и милосердію...

При этихъ словахъ что-то неуловимое мелькнуло по лицу Екатерины, отразилось въ ея глазахъ и тотчасъ же сгасло точно искра. Нарышкинъ еще усерднѣе занялся попугаемъ.

... «отъ положеннаго законами жестокаго наказанія», продолжалъ Вяземскій.

— Осужденіе, поправила императрица.

... «отъ того осужденія его избавить; но дабы онъ не могъ, по такому своему упорству и пренебрегаючи не только общее, но и собственное благосостояніе, между обществомъ по разнымъ мѣстамъ шататься, а тѣмъ самымъ не подавалъ бы другимъ слабого разсудка людямъ соблазна, а не меньше по объятому имъ суевѣрству чрезъ странныя разглашенія о святой церкви, то послать его за надежнымъ присмотромъ въ шлиссельбургскую крѣпость»...

— Нѣтъ, остановила докладчика императрица: — не въ шлиссельбургскую.

— Въ петропавловскую?

— Нѣтъ,—въ ревальскую.

— Слушаю-съ... «въ ревальскую крѣпость, гдѣ велѣтъ тамошнему коменданту содержать его подъ такую стражею, чтобъ онъ никакъ оттуда уйти не могъ, и для того отвезть ему особый покой; однакожъ будущимъ при той стражѣ подтвердить, дабы съ нимъ поступано было съ сохраненіемъ человѣческаго состоянія, не дѣлая никакихъ оскорбленій».

— Это хорошо, одобрила императрица.

— Э, ваше сіятельство, — да вы не однимъ языкомъ явите, пробормоталъ Нарышкинъ, отдергивая руку отъ клѣтки съ попугаемъ.

Екатерина глянула въ его сторону:—«Что—укусилъ?»

— Типнулъ, матушка... Настоящая княгиня — и язычокъ такой же.

— Ахъ ты повѣса.

— Я серьезно, матушка, говорю: вѣдь у попугаевъ и перавлитовъ языкъ подобнаго сложенія человѣческому — это вѣрно.

— Какъ?

— А вы развѣ не изволили этого доселѣ замѣтить?

— Не замѣчала.

— Извольте посмотрѣть.

И Нарышкинъ, съ трудомъ поднявъ массивную клѣтку, поднесъ ее къ императрицѣ.

— Купать пошку, купать!—Онъ этого не любитъ.

— Дугтакъ! дугтакъ! дугтакъ! закричалъ попугай и заметался въ клѣткѣ.

— Извольте видѣть его языкъ?

— Вижу... точно сложеніе подобное... je ne savais pas cela... je donneois à la perruche la survivance de votre charge... ¹⁾ Удивительно...

Клѣтку опять поставили на мѣсто.

— Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, улыбнулась императрица.—Я слушаю докладъ.

«А какъ онъ, Кравковъ—продолжалъ докладчикъ—человѣкъ лишившійся здраваго разума, то иногда что-либо станетъ дѣлать или говорить непристойное, въ такомъ случаѣ коменданту его отъ того удерживать по данной ему, по высочайшему учрежденію, власти. Буде же, паче чаянія, оный Кравковъ станетъ что врать важное, то въ такомъ случаѣ писать о томъ къ генераль-прокурору, а стражѣ, находящейся при немъ, надлежащимъ образомъ истолковать, чтобы отъ него, яко отъ безумнаго человѣка, ничего не слушать и никому-бъ, кромѣ его, коменданта, о томъ враньѣ никакъ не разглашали подъ опасеніемъ военного суда. Писемъ писать ему не велѣтъ и ни отъ кого къ нему не брать, чего ради бумаги,

¹⁾ «Дневн. Краповицк.», изд. Барсукова, 5.

пера, чернилъ и всего къ письму способнаго ему ни для чего не давать, также строго смотрѣть, чтобы онъ чего надъ собою или надъ стражею сдѣлать вреднаго не могъ и для того ножа и никакого орудія, чѣмъ человекъ себя и другаго повредить можетъ, не давать»...

— Вотъ какъ попкѣ, пробормоталъ «Лёвущка».

... «да и караульнымъ въ томъ покоѣ, гдѣ онъ содержанъ будетъ, никакого орудія не имѣть. На пропитаніе-жъ и одежду выдать ему на каждый день по семи копѣекъ»...

— По десяти, поправила Екатерина:—онъ штабъ-офицеръ.

... «по десяти копѣекъ. Въ какомъ же онъ состояніи находится будетъ, и придетъ ли онъ въ познаніе истины, генераль-прокурору чрезъ каждые четыре мѣсяца, при требованіи на него кормовыхъ денегъ, репортовать. Если же, паче чаянія, оный Кравковъ пожелаетъ позвать къ себѣ попа для исповѣди или святаго причастія, то онаго къ нему, хотя бы онъ былъ и здоровъ, допустить; буде-жъ будетъ въ болѣзни, то потому-жъ преподать ему о семъ спасительномъ для него способѣ совѣтъ, сказавъ однакожъ священнику, что буде онъ Кравковъ откроетъ ему свое заблужденіе и станетъ просить его о присоединеніи къ церкви, то чтобы онъ въ то же время далъ знать коменданту, а оный имѣетъ донести о томъ генераль-прокурору. Если же онъ умретъ, то похоронить его, Кравкова, по церковному чиноположенію и объ томъ коменданту той крѣпости отписать».

Докладчикъ кончилъ и поклонился.

— Быть по сему, послѣдовала высочайшая резолюція.—А что «лексиконъ риѣмъ»?—обратилась Екатерина къ Храповицкому.

— Первыя тетради готовы, государыня.

— А «Февей» переписывается?

— Почти готовъ, государыня.

— Спасибо за проворство.

— Еггмолловъ дуггакъ!—дуггакъ Еггмолловъ! вдругъ закричалъ попка.

— Молчи, попочка,—услышитъ—побѣтъ.

Екатерина улыбнулась:—«это ты его научилъ, повѣса?»

— Нѣтъ, матушка, онъ своимъ умомъ дошелъ.

Екатерина погрозила «Левущкѣ» пальцемъ, а къ Вяземскому наклонила голову:—тотъ понялъ, что его отпускаютъ—поклонился и вышелъ.—«Матерняя, истинно матерняя резолюція», шепталъ онъ съ умиленіемъ.

«Лица, осудившія Кравкова за его неправославіе (такъ характеризуетъ г. Ламанскій «златый на сѣверѣ вѣкъ»), сами нисколько не сочувствовали и не вѣрили православію: иначе они не поступили бы такимъ образомъ съ Кравковымъ. Если бы, напримѣръ, Кравковъ былъ деистъ или атеистъ, то никто не тронулъ бы его,

очевидно,—не изъ признанія свободы совѣсти, а потому, что всѣ тогдашнія правительственныя лица въ Россіи, втѣствѣ съ большинствомъ образованнаго общества, сами глубоко сочувствовали Вольтеру и энциклопедистамъ. Никому изъ правительственныхъ лицъ не могла тогда придти въ голову дикая мысль о томъ, чтобы хватать въ тайную экспедицію людей за деизмъ, атеизмъ или масонство (которое впоследствии Екатерина стала преслѣдовать только за сочувствіе масоновъ къ великому князю Павлу Петровичу),— словомъ, всѣхъ образованныхъ русскихъ неправославныхъ, и тамъ насильственно обращать ихъ въ православіе! Извѣстны сношенія Екатерины II съ Вольтеромъ и энциклопедистами; Дидро она даже приглашала въ воспитатели къ своему сыну; а тогдашній обер-прокуроръ святѣйшаго синода, П. П. Чебышевъ, громко хвалился своимъ атеизмомъ... Но отчего же тайная экспедиція, встрѣтаясь съ Кравковымъ, вдругъ такъ воспламеняется жаромъ учительства и непременно отъ него требуетъ, чтобъ онъ обратился къ церкви?— Мы видѣли, что Кравкова пытаются (хотя не въ застѣнкѣ, а мягко, любезно) и осуждаютъ не за то собственно, что онъ мыслилъ и вѣровалъ неправославно, не согласно съ церковью, а за то, что онъ, природный російскій дворянинъ и отставной штабъ-офицеръ, носилъ бороду и не подобную одежду, мыслилъ и вѣровалъ, какъ не просвѣщенный невѣжда. Тайная полиція російской имперіи въ 1784—1785 годахъ ловитъ дворянина Кравкова и сажаетъ его въ казематъ ревелъской крѣпости, слишкомъ на 11 лѣтъ (вѣчно, до смерти), за то единственно, что онъ вѣровалъ и мыслилъ по мужицки, не прилично своему званію, не согласно съ тогдашними исправниками, губернаторами, и С. И. Шешковскимъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и императрицей Екатериною. По существу не напоминаетъ ли это дѣло священной тайной инквизиціи, о которой если не самъ Шешковскій, то князь Вяземскій и императрица отзывались, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ съ благороднымъ негодованіемъ? И не есть ли случай съ Кравковымъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ исторій въ лѣтописяхъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ полицейско-военныхъ государствъ, въ которыхъ тайная полиція не только разыскиваетъ и предупреждаетъ преступленія, но сама судитъ и наказываетъ людей, по ея мнѣнію, виновныхъ, обладаетъ безконтрольною властью, распоряжается огромными тайными суммами и заправляетъ внѣшнею и внутреннею политикою страны? Съ этой высшей точки зрѣнія, я боюсь, исторія бѣднаго Кравкова покажется русскому читателю самымъ незначащимъ анекдотомъ»... ¹⁾).

Замѣчанія—глубоко вѣрныя.

¹⁾ «Памяти новой русск. исторіи», I, 47—48.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1884 г., т. XV.

Такъ кончилась первая попытка «хожденія въ народъ чело-
вѣка легальнаго». Но съ самымъ этимъ чело-
вѣкомъ еще не все
было покончено.

XI.

Послѣдняя встрѣча.

Въ маѣ 1785 года, изъ кронштадтской гавани собирался выхо-
дить въ море фрегатъ «Витязь», тотъ самый, который, въ 1777
году, мы видѣли крейсирующимъ въ Черномъ морѣ между Кафою
и Суджукъ-Кале. Но якорь почему-то не подымали. Матросики,
наладивъ все къ отходу, стояли и бродили межъ снястями въ ожи-
даніи приказа капитана. Одинъ изъ нихъ стоялъ въ сторонѣ и,
поглядывая за бортъ, на воду, тихонько про себя мурлыкалъ:

Течеть рѣчка лозоньками,
Плачетъ дѣвка слезоньками.

— Да зачѣмъ, братцы, дѣло стало? интересуется одинъ мат-
росикъ.

— А нечистый ево знаетъ:—должно, господа офицера съ кумуш-
ками прощаются.

— Эй, Маруська! слышишь, хохле!

А тотъ, къ кому относились: продолжалъ жалобно мурлыкать:

Не плачь, дѣвка, не журися,
Ще жъ я молодъ не женился.

— Эй, чортъ, Маруська! тебѣ говорятъ!

— А что?

— Чево мы стоимъ—не сываемся?

— Охвицеръ говоритъ—рестантовъ ждуть.

— Куда жъ ихъ?—али въ море топить?

— Нѣтъ, въ Ревель, Богу работать.

Дѣйствительно, на пристани показалась партія арестантовъ, кон-
воируемая солдатами. Тутъ были и старые и молодые, бритые и
съ бородами; у иныхъ были урѣзаны либо правое, либо лѣвое ухо;
виднѣлись и такіе, у которыхъ были вырваны ноздри—это больше
старики.

Скоро арестанты были доставлены на бортъ фрегата, и корабль,
пользуясь попутнымъ вѣтеркомъ, вышелъ въ море.

Одинъ изъ арестантовъ, котораго сопровождали особо два сол-
датика, обратилъ на себя вниманіе матросовъ. Въ лицѣ его, не-
обыкновенно грустномъ и въ то же время чѣмъ-то оживленномъ, въ
какой-то горькой улыбкѣ и въ выраженіи черныхъ, ясныхъ и за-
думчивыхъ глазъ было что-то особенное, чего не замѣчалось ни у

одного изъ прочихъ арестантовъ. Матросы замѣтили, что онъ глядѣлъ куда-то далеко, туда дальше, гдѣ море сливается съ небомъ, а по впалымъ щекамъ его медленно катились слезы.

— Глянько-ко, Маруська, на тово вонъ съ бородой — видишь?

— Вижу... что плачетъ?

— Да, онъ самый.

— Что жъ?—на кого не доведись:—невольникъ.

— Да тебѣ развѣ повылазило!

— А что?

— Али не видишь кто это!

— А Богъ ево знаетъ.

— Да это Евдокимъ Михайлычъ.

— Что ты! Кравковъ?

— Онъ и есть—что капитаномъ у насъ былъ.

— Ай-ай!—съ нами святъ!—и точно онъ.

— Господи!—вотъ диво-то!—за что ево?

— А Богъ ево знаетъ... А какой добрый былъ человекъ.

Матросы нарочно подошли ближе къ таинственному арестанту, показывая видъ, что идутъ по дѣлу. Арестантъ взглянулъ на нихъ, и въ глазахъ его, сквозь застилавшія ихъ слезы, какъ бы что то затеплилось, точно радость.

— Здравствуй, Маруська! — здорово, Гавриловъ! проивнесъ съ улыбкою арестантъ.

Матросы точно остолбенѣли. Кравковъ продолжалъ глядѣть на нихъ.

— Развѣ не узнаете Кравкова—капитана?

— Какъ не узнать, ваше выскородіе!—Да какъ же это, Господи!

— Эй, проходи, служба! загораживалъ собою Кравкова одинъ изъ конвойныхъ:—проходите, господа служба! — разговаривать не приказано.

— Да мы Богъ знаетъ какъ!—мы и не знай что!

— Мы всей душой, вашескородіе!

— Бога за васъ молимъ денно-ношно!

— Сказано проходи! капитану пожалуюсь! горячился конвойный.

— Отойдите лучше, братцы, тихо сказалъ Кравковъ:—онъ человекъ не вольный—подъ присягой... Спасибо за то, что не забыли.

— Ахъ, вашескородіе! Евдокимъ Михайлычъ! — да мы Богъ знаетъ какъ!

— Проходи! проходи!

Въ это время изъ офицерской каюты-кампаніи вышли два офицера съ какою-то бумагою въ рукахъ. Это были списки арестантовъ, препровождавшихся на «Витязѣ», который долженъ былъ сдать ихъ въ Ревелѣ коменданту крѣпости.

— Да неужели-жъ это онъ? говорилъ, видимо волнуясь, бѣлокурый, лѣтъ подъ тридцать офицеръ съ голубыми глазами.

— Конечно онъ, отвѣчалъ другой, темнолицый, смуглый, съ сѣрыми глазами.

— Удивительно!—и за что это!

— Надо полагать, за масонство.

— Но вѣдь онъ не любилъ масоновъ.

Они подошли къ конвойнымъ.

— Гдѣ тутъ капитанъ-лейтенантъ Кравковъ? спросилъ смуглый.

— Да здѣсь они, ваше благородіе, весело отозвался тотъ матросикъ, котораго дразнили Маруськой.

— Вотъ они, вотъ Евдокимъ Михайлычъ! подтверждалъ другой матросъ.

— Я здѣсь, господа! съ дрожью въ голосѣ проговорилъ Кравковъ.

Они остановились въ изумленіи, пораженные... Его голосъ, его глаза, и лицо его, но не то, какимъ они его знавали прежде—живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ энергіи... Да, это онъ—только въ какомъ видѣ, въ какой одеждѣ!..

— Здравотвуйте, господинъ Павлюкъ! — здравствуйте, Шастовъ!

Да, это Кравковъ говоритъ. Это самъ онъ—не тѣнь его.

— Евдокимъ Михайловичъ!—голубчикъ!

— Что съ вами, дорогой другъ!

— Какъ видите—я арестантъ, отвѣчалъ Кравковъ, указывая на конвойныхъ.

— Но какъ! за что?

— За неподобную одежду.

— Ваше благородіе! извольте проходить, опять заговорилъ конвойный.

— Что! крикнулъ на него бѣлокурый Шастовъ.

— Разговаривать, ваше благородіе, не приказано.

— Молчать!—вотъ ты такъ не смѣй разговаривать!

— Я что, ваше выскородіе—мнѣ приказано—присяга...

— Молчать! я лучше тебя знаю службу.

И онъ бросился обнимать Кравкова: «голубчикъ! да какъ же это!—гдѣ вы пропадали?—какъ попали сюда, опять на «Витязя»—и въ такомъ... ахъ, Боже мой!..»

— Вотъ что лучше, господа, взволнованнымъ голосомъ сказалъ другой офицеръ, Павлюкъ:—проведи ты, Саша, Евдокима Михайловича къ намъ въ каюту, а то здѣсь неловко... видишь? — А я ужъ самъ провѣрю арестантовъ—(онъ поправился)—я самъ провѣрю людей по спискамъ и тотчасъ же приду къ вамъ, сказалъ онъ, протягивая Кравкову обѣ руки.

Шастовъ и Кравковъ вошли въ офицерскую каюту. Все напоминало послѣднему его службу на этомъ фрегатѣ—каждая мачта,

каждая снасть, паруса, и знакомыя, хотя постарѣвшія, лица матросовъ, и эта каюта, на оконномъ стеклѣ которой все еще видны были нацарапанныя алмазомъ изъ перстня слова: «прощай, товарищъ». Это когда-то нацарапалъ Кравковъ, въ день своего прощанья съ фрегатомъ и съ добрыми друзьями.

— Цѣла, грустно улыбнулся онъ, показывая на надпись.

— Да, голубчикъ... А вы-то!

— А меня ужъ нѣтъ—стерся...

— Богъ съ вами!

— Да—стерся совсѣмъ, и окно мое разбито—разбита жизнь и душа...

— Ахъ, голубчикъ! да что же это! какъ?

И Шастовъ снова обнималъ своего стараго друга, бывшаго начальника и товарища.

— Да скажите же—за какое это преступленіе?

— Говорю вамъ:—за ношеніе неподобнаго платья.

— Какого же, голубчикъ?

— Мужицкаго—мужицкой рубахи и бороды.

— Неужто за это?

— Главнымъ образомъ за это.

— Да какъ же все случилось?—Расскажите все, что было съ вами съ того дня, какъ мы съ вами простились въ Херсонѣ.

— Слишкомъ много рассказывать, да и тяжело, признаться.

— Нѣтъ, это облегчитъ вамъ душу—наше къ вамъ участіе—мы какъ родные...

— Да какъ вамъ сказать!—все это такъ просто, а между тѣмъ такъ ужасно... Въ Петербургѣ, воротясь изъ Херсона, я ничего не нашелъ кромѣ оскорбленія.

— Какъ!—отъ кого?

— Отъ Чернышова... Меня выбросили какъ выѣденное яйцо... Но я сгѣшилъ домой—меня тамъ ждала невѣста... Да только вмѣсто невѣсты я нашелъ—ея могилу, да забытыя ею у меня на столѣ шляпу и перчатку...

— Ахъ, голубчикъ!—вотъ горе-то!

— Да что объ этомъ!—Если-бъ умерла она — это бы еще ничего:—Богъ далъ — Богъ и взялъ... А то ее заставили утопиться изъ-за меня.

— Господи! да кто же это!

— Отецъ... Что потомъ было—ну, да объ этомъ я могилѣ расскажу... А тамъ меня разорили—и меня и душу мою ограбили.

— Кто же, голубчикъ?

— Да все люди, которымъ я вѣрилъ... Потомъ меня же осквернили:—душу мою, что ограбили у меня, бросили подъ ноги животному... И все это властители и судіи надѣлали... (Вмѣсто лю-

дей я нашелъ звѣрей, вышедшихъ изъ лѣсу и облекшихся въ шитые кафтаны.

— Понимаю... Видывалъ и я такихъ.

— Я бѣжалъ отъ нихъ, какъ Іоаннъ, въ пустыню — и только тамъ нашелъ людей.

— Гдѣ же это, голубчикъ?

— Тамъ, куда звѣри въ шитыхъ кафтанахъ не заходятъ:—я ушелъ къ гонимымъ, къ отверженнымъ—и тамъ нашелъ людей... Это простые люди, мужики—да душу-то свою они не промѣняли на шитые кафтаны... И я сбросилъ съ себя кафтанъ, надѣлъ ихъ рубаху, дѣлалъ ихъ дѣло, думалъ поихнему, и нашелъ, что Руссо былъ правъ, совѣтуя человѣку одичать... Только я не успѣлъ одичать:—я вышелъ изъ пустыни посмотрѣть, что дѣлаютъ звѣри въ кафтанахъ — и вотъ они меня загрызли... Удивительно только!—звѣрьё всякое повышло изъ лѣсу, надѣло на себя шитые кафтаны да рясы, а людей позагнали въ лѣса...

Шастовъ повидимому многого не понималъ изъ того, что говорилъ Кравковъ, но онъ помнилъ, что у него и прежде была эта манера—говорить какъ-то иносказательно, полузагадками и сравненіями.

— И долго вы тамъ пробыли? старался онъ выпытать у собесѣдника болѣе ясныя свѣдѣнія о его прошломъ.

— Въ скитахъ-то?

— Да... А вы развѣ въ скитахъ жили?

— Въ скитахъ—въ иргизскомъ кадетскомъ корпусѣ, улыбнулся онъ: — только не въ шляхетскомъ, а въ мужичьемъ, въ сиволапомъ.

— Да за что же васъ собственно осудили?

— Ей-Богу не знаю: — читали мнѣ длиннѣйшую резолюцію, изъ коей я ничего не понялъ: — ни то я раскольникъ, ни то я сумасшедшій, ни то одержимый фанатизмомъ.

— Такъ за это только?

— За это—за фанатизму: а фанатизма моя вся въ томъ и состоитъ, что я не похожъ на нихъ—не кусаюсь и не мучу никого именемъ Христовымъ, какъ они.

— И къ чему же васъ присудили?

— Къ заточенію до смерти.

— Господи! на вѣчное заточеніе.

— На вѣчное и одиночное... Позволили только похоронить меня, когда умру, по церковному чиноположенію, да дозволили еще, съ разрѣшенія коменданта, сдѣлаться подобнымъ имъ звѣремъ, когда того пожелаю.

— Какъ это?

— Да когда я открою попу свое заблужденіе, а какое—я и самъ не знаю, и когда пожелаю присоединиться къ церкви.

— А развѣ вы отъ нее отреклись?

— Меня обвиняють въ этомъ за то, что я вѣрю только словамъ Христа, а не ихъ искаженіямъ этихъ словъ: — вотъ за Христа-то на меня и взѣлся Шешковскій... Вѣрь Вяземскому, а не Христу—это значитъ присоединиться къ церкви... Э! да что я объ этомъ говорю! — Развѣ я первый? — Обидно то, что я и не послѣдній.

Дѣйствительно, онъ не былъ послѣднимъ. Ровно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина II сказала великую истину, поставленную въ эпиграфъ этой повѣсти, что «въ шестьдесятъ лѣтъ исчезнуть всѣ расколы, если только заведутся и утвердятся народныя школы и если по отношенію къ раскольникамъ не будутъ употреблять насилія»; но расколы до сихъ поръ не исчезли. А почему?—На это я отвѣчать не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ тутъ ясенъ для всякаго, даже не учившагося въ семинаріи.

Д. Мордовцевъ.

